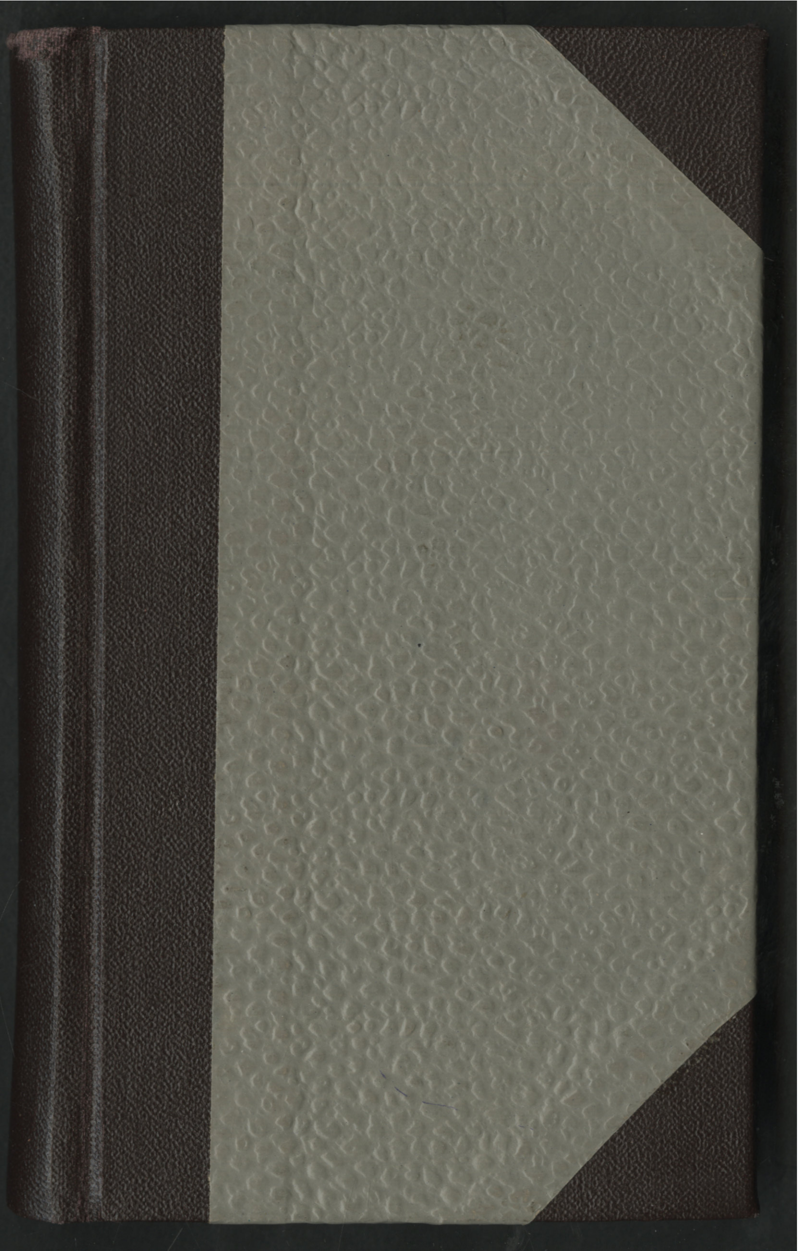
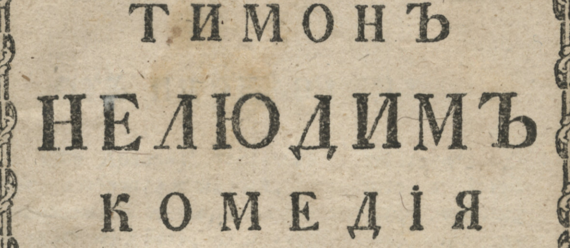

ТИМОНЪ НЕЛЮДИМЪ КОМЕДІЯ

въ

трехъ дѣйствіяхъ.

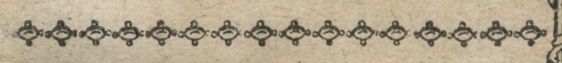
съ

ПРОЛОГОМЪ

Сочиненія Господина

Д. Аленваля.

съ Французскаго переведенная.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ

1773 года.

ОТЪ ПЕРЕВОДЧИКА.

Сїю Драмму перевелъ я по прозбѣ одного любителя наукъ, котораго я много почитаю и который ее мною переведенну желалъ видѣть, не взирая на то, что уже два рукописные оной комедїи перевода, давно по рукамъ ходятъ. Желанїе его было видѣть ее на театрѣ; и для того я такъ ее и переводилъ, что бы она могла когда нїесть быть съиграна, естьлибъ на то пришло благоволенїе управляющаго театромъ придворнымъ, или содержателя московскаго театра. Изключилъ я пѣнїе и балеты, которыхъ и французы здѣсь играя, не производили кромѣ одного разу въ 1751 году. При томъ не слѣдовалъ я во всемъ Сочинителю раболѣпно, но иные мѣста сокращалъ, гдѣ разговоры излишнѣю длинностїю комедїю прохлаждали, но то что лутчѣе у сочинителя, старался я показать по всей силѣ. Вотъ, что почелъ я за нужное сказать читателямъ; оставляя имъ все право, похвалы и хулы, которыя имъ принадлежатъ и которыя бываютъ нерѣдко потребны для нашей братїи волею или неволею, въ писменахъ трудящихся.

Дѣйствую-

ДѢЙСТВУЮЩІЕ ВЪ ПРОЛОГѢ.

ТИМОНЪ НЕЛЮДИМЪ.

МЕРКУРІЙ.

ПЛУТУСЪ.

ОСЕЛЪ ТИМОНОВЪ, превращенный въ человѣка во образѣ Кратовула.

Дѣйствіе при горѣ имянуемой ГИМЕТТА.

ПРОЛОГЪ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Театръ представляетъ гору, при которой Тимонъ избралъ уединеніе. Сей нелюдимъ лежитъ на травѣ у подошвы горы, одѣтой кожами дикихъ звѣрей, виденъ и его Оселъ, въ нѣкоторомъ отъ него отдаленіи, стоящей.

Тим. Въ чемъ провождаешъ ты время, о сынъ Сатурна и Реи? Воспряни отъ твоея праздности и воззри на мою бѣдность, или удобнѣе сказать, на позоръ твой! устреми проницательные твои очи на злополучнаго Тимона, толико жертвъ тебѣ приносившаго; и есть ли ты не причастенъ пороку людѣй, то порази мстительнымъ своимъ громомъ тѣхъ злодѣевъ, которые безчисленные отъ меня видѣвъ благодѣяніи, купно со щастіемъ меня оставили. Возможно

ли тебѣ безъ гнѣву взирать на тѣхъ гнусныхъ животныхъ, которые обожали и превозносили похвалами мои достоинства тогда, когда алчная ихъ утроба, столъ избыточно и роскошно ѣствами наполненной у меня обрѣтала и которыя теперь воздаютъ мнѣ за то презрѣнïемъ и поруганïемъ? (*слышенъ громъ.*) Слышу я о Юпитеръ! звукъ твоего грома и познаю, что ты въ свои десницы оружïе приемлешъ. Отецъ боговъ! рази! но рази токмо однихъ злодѣевъ, не обращая въ тщету своихъ ударовъ превращенïемъ въ прахъ сихъ камней и невинныхъ деревъ, которые никогда тебя непрогнѣвали.

ЯВЛЕНIЕ II.

МЕРКУРIЙ, ПЛУТУСЪ и ТИМОНЪ.

ТИМ. Что я вижу? Въ сïю уединенную пещеру я только для убѣжанïя отъ людей водворился, но и здѣсь я нахожу сей родъ развращенный! Побѣгу...

Мерк.

Мерк. Постой Тимонъ! Я не человѣкъ, но Меркурій, и я привелъ къ тебѣ Плутуса. Юпитеръ тронутый твоими злополучіями, пріялъ благосклонно твои моленія.

Тим. Истребилъ ли онъ моихъ, или удобнѣе сказать, собственныхъ его враговъ? Вотъ вся щедрота, которой я у него и спрашивалъ; и для моего отмщенія, и для утвержденія его власти.

Мерк. Боги о дѣлахъ различно съ человѣками помышляютъ. Продолженіемъ жизни, злобные люди на и жесточаѣ истязаются, и ихъ совѣсти угрызенія довольно сильны для удовлетворенія небѣснаго правосудія. Я прихожу сюда, дабы извлечь тебя изъ бѣдности и даровать тебѣ новые сокровища, ко устыженію тѣхъ неблагодарныхъ, которые тебя толь гнусно оставили.

Тим. Не хочу я болѣе богатства: оно мнѣ несказанныя горѣсти приключило. Бѣдность вразумила меня познавать людей и въ себѣ самомъ находить удовольствіе. Сіе благо превосходитъ

 восходитъ

восходитъ всѣ обманчивые тайности, этаго слѣпца, которому раздроблю я голову, есть ли онъ отъ сюда не удалится.

Плут Уйдемъ Меркурій! что мнѣ съ этимъ изступленнымъ дѣлать?

Мерк. Надлежитъ исполнить повелѣніе Юпитера и обогатить сего человѣка, невзирая на его упорство. Тимонъ! тебѣ довлѣетъ повиноваться богамъ и съ благодареніемъ принимать ниспосылаемую отъ нихъ щедроту.

Тим. Но къ чему мнѣ богатство въ моемъ уединеніи? Когда мнѣ рукъ моихъ довольно къ пріобрѣтенію здѣсь пропитанія, такъ не служитъ ли то неоспоримымъ свидѣтельствомъ, что теперешнее мое состояніе, весьма превосходнѣе того, въ которомъ я жилъ прежде, и въ которомъ былъ невольникомъ многихъ безполезныхъ прихотей. Богатство въ обхожденіи съ людьми только потребно; но какъ я всѣ съ ними союзы прервалъ, то не имѣю нужды и въ томъ, что съ ними связуетъ. При всемъ томъ я непрезираю

раю даровъ Юпитера и естьли онъ тебя ко мнѣ для учиненія блага посылаетъ, то окажи мнѣ единую милость.

Мерк. Какую?

Тим. Награди голосомъ человѣческимъ моего осла; учини, что бы могъ я съ нимъ разговаривать въ моемъ уединеніи; обхожденіе съ этимъ животнымъ, можетъ мнѣ быть пріятно.

Мерк. Но подумалъ ли ты о прозбѣ своей?

Тим. Я объ ней долго и съ основаніемъ думалъ. Онъ служилъ мнѣ безъ корысти въ моемъ благополучіи, и теперь въ нищетѣ моей равномѣрно мнѣ служитъ: повиновавшись голосу моему подъ блестящею збруею и теперь познаетъ его, и съ таковымъ же добросердечіемъ принимаетъ изъ руки моей отрывки ковыля, въ дикой моей пустынѣ ростущаго, съ каковымъ прежде принимывалъ лучшую пшеницу. Рубищи мои его неустрашаютъ: онъ любитъ меня, служитъ мнѣ, не дѣлая примѣчанія на перемѣну моего состоянія, словомъ: онъ одинъ только

искренній другъ, который въ злополучіи моемъ мнѣ остался.

Мерк. Я знаю, что есть ли бы ослы даръ гласа человѣческаго имѣли, то могли бы они много полѣзныхъ совѣтовъ подавать человѣкамъ, и по тому соглашаюсь исполнить твою прозбу. Когда Юпитеръ началъ тебя исправлять нещастіемъ, то можетъ онъ великодушіе свое свершить осломъ твоимъ. Выборъ сего властнаго Бога, можетъ всякое его предпріятіе сдѣлать знаменитымъ, которымъ онъ судьбы свои исполнить предпріиметъ. Я соглашаюсь на твою прозбу и въ сію же минуту превращу осла твоего въ человѣка.

Тим. Нѣтъ! нѣтъ! не того я желаю. Единый человѣческій видъ мнѣ его подозрительнымъ сдѣлаетъ.

Мерк. Не опасайся. Онъ сохранитъ въ памяти простоту прежняго его состоянія; и я доставлю ему всѣ свойства человѣческіе и всѣ потребные знанія, къ понятію того, о чемъ ты говорить съ нимъ будешъ и къ учиненію для тебя полѣзнымъ, твоего

его съ нимъ обхожденія. Прости! Плутусъ сдѣлаетъ, что ты возвратясь въ домъ свой, найдешь въ немъ новые богатства и увидишь, что твой оселъ придетъ къ тебѣ во образѣ человѣка подъ именемъ Кратювула.

Тим. Вотъ главный даръ, которымъ Юпитеръ можетъ меня ощастливить. Я уповаю, что мой оселъ непремѣнно честнымъ человѣкомъ будетъ: его здравый разсудокъ и его непорочный нравъ сохранятъ въ немъ честность, не взирая на его превращеніе въ человѣка.

Плут. Поди въ домъ свой: мои сокровища тамо уже готовы.

Тим. Естьли бы ты меня послушалъ, то лучше бы ихъ оставилъ для другова.

Плут. Напрасно твое упорство. Люди ни щастливы, ни нещастливы по ихъ произволенію не бываютъ: то и другое отъ воли боговъ происходитъ.

ЯВЛЕНІЕ III.

ТИМОНЪ и КРАТОВУЛЪ.

ТИМ. Мало я помышляю о сего сокровищѣ, и всѣ мои мысли только превращеніемъ моего осла заняты. Разумъ сего новообразнаго почитаю я больше, нежели разумъ всего Ареопага. Но какого страннаго я вижу человѣка: конечно это мой оселъ! Послушаю.

КРАТОВ. Что за дьявольщину значитъ вся эта перемѣна! Вотъ каковъ я сталъ! Куды дѣвались прекрасные мои уши, умильная моя головка и не наглядный мой станъ, въ которой всѣ ослицы нашего околотка влюблялись? Куда скрылся неоцѣненный мой хвостъ? А, хвостъ мой прекрасной! изъ всѣхъ пріятностей, которыхъ я лишился, объ тебѣ я больше всего сожалѣю. Ну! изрядно меня оболванили! Какой глупой видъ! Не болѣе тому минуты, какъ ходилъ я на четырехъ лапахъ, былъ твердъ и безопасенъ на землѣ стоя, а теперь встопорщенъ я, какъ пѣтухъ

пѣтухъ на двухъ тычинкахъ! Прежде былъ у меня мужественый голосъ, а теперь вдругъ сталъ, совсемъ женской, раздѣленный на множество звуковъ, которые меня безпокоятъ. Что такое сдѣлалось со мною? Ба, ба, ба! разумъ мой изощряется: я сталъ человѣкомъ! такъ, имъ я сталъ; видъ подобной моему господину и почти столько же смѣху достойный. Но что я чувствую! Какая бѣздна понятій, которыхъ я не имѣлъ прежде! Умъ человѣческой во мнѣ открывается. (*смѣется*) Умъ человѣческой! этотъ смѣшной вздоръ! (*смѣется.*) Преглупая вещь! Хотя я и весьма опасаюсь, что бы мнѣ въ новой моей кожѣ, не сдѣлаться глупѣе, нежели я былъ въ прежней, однакожъ новость меня забавляетъ и я недосадую на мое превращеніе. Естьли ничего болѣе и изъ новаго моего вещества не произойдетъ, какъ только то, что я узнаю происходящее въ сердцѣ моего господина и притчину тѣхъ грубіанствъ, которые я въ немъ всегда видѣлъ, такъ я и тѣмъ могу быть совершенно доволенъ.

Тим.

Тим. Начало прекрасное! и мой оселЪ, какЪ я вижу, нелюдимЪ мнѢ подобной. Кто ты таковЪ, мой другЪ?

Кратов. Я тотЪ, чемЪ я, назадЪ тому сЪ минуту не былЪ.

Тим. ОнЪ хочетЪ сказать, что уже онЪ болѢе не оселЪ.

Кратов. Что ты говоришь? РазвѢ ты знаешь, что я былЪ прежде?

Тим. Знаю любезный КратовулЪ. Я причиною тому, что ты сталЪ человѢкомЪ. Теперь ты повелитель всея скотины.

Кратов. Повелитель зверѢй и скотины?

Тим. ТакЪ ты еще не знаешЪ всѢхЪ понятїй, которые мы кЪ этому реченїю сообщаемЪ.

Кратов. Я все знаю и все понимаю, что ты говоришЪ; но хотябЪ мнѢ умереть, такЪ не вѢдаю я того откудова все это берется; для того, что я теперь познаваемому никогда не учился.

Тим. Меркурїй по своему мнѢ обѢщанїю, просвѢтилЪ его.

Кратов. КакЪ я теперь сталЪ повелителемЪ всея скотины, такЪ по

этому

этому можно мнѣ спать въ лѣсахъ безъ опасенія. Волки, медвѣди, львы и всѣ мои подданные, будутъ опасаться меня разбудить и съ почтеніемъ стануть приходить ко мнѣ для отданія поклона? Не такъ ли?

Тим. Я не совѣтую тебѣ имъ ввѣряться; они тебя растерзаютъ, равно какъ бы ты и оселъ былъ.

Кратов. Такъ они самые не учтивые подданные! я по этому мнѣ кажется что власть человѣческая, надъ протчими животными весьма подобна власти ослиной. Они ужасаютъ только тѣхъ которые ихъ слабѣе и трусливѣе; а отъ тѣхъ, которые ихъ сильнѣе и отважнѣе, животъ свой бѣгомъ спасаютъ.

Тим. Я моего осла Солону предпочитаю: онъ говоритъ справедливѣе.

Кратов. Есть ли моимъ превращеніемъ я пріобрѣлъ только эту власть, такъ прибыль не велика.

Тим. Все что ты теперь видишь, для тебя сотворено; напротивъ того прежде былъ ты сотворенъ для человѣка: доказательствомъ тому, твоя мнѣ служба.

КРАТОВ. (*Смѣется.*)

ТИМ. Чему ты смѣешся?

КРАТОВ. Твоему дурачеству, отъ котораго ты и того незналъ, что ты для меня былъ сдѣланъ.

ТИМ. Я?

КРАТОВ. Безъ сомнѣнія. Не ты ли имѣлъ попеченіе о доставленіи мнѣ пищи? Не ты ли приходилъ всякой день меня чистить, давать мнѣ кормъ, водить меня къ пойлу, вымѣтать мое стойло, перемѣнять для меня солому и прочее?

ТИМ. Что ты изъ этого заключаешъ?

КРАТОВ. Что ты мнѣ служилъ, слѣдственно, что ты для меня былъ сдѣланъ.

ТИМ. Онъ правъ: я бывъ его слугою, о томъ не думалъ.

КРАТОВ. Но оставимъ этотъ разговоръ, а скажи мнѣ, для чего ты нынѣ такъ худо одѣтъ и живешь въ такой мерлогѣ? Давно уже я любопытенъ о томъ вѣдать.

ТИМ. Для того что я бѣденъ.

КРАТОВ. А для чего ты бѣденъ?

Тим. Для того, что я былъ очень добръ. Я истощилъ все мое имѣніе, дѣлая удовольствіе неблагодарнымъ, которые меня оставили, какъ скоро не имѣлъ я болѣе богатства, изъ котораго бы роскошными ѣствами насыщать ихъ желудки,

Кратов. Вотъ то то превеликіе бездѣльники. Бѣдной человѣкъ! я очень о тебѣ жалѣю. И неужли ты всегда бѣденъ будешъ?

Тим. Отъ меня только зависитъ перемѣнить мое состояніе. Богъ Плутусъ предлагаетъ мнѣ великіе сокровищи, отъ которыхъ я отрицаюсь,

Кратов. Для чево?

Тим. Что бы ни когда не быть въ состояніи добро людямъ дѣлать.

Кратов. Ты правъ. что нехочешъ добра дѣлать тѣмъ, которые тебя оставили; но ты долженъ принять богатство для меня, который съ тобою вѣчно жить будетъ.

Тим. Богатство и тебя можетъ преобратить, а ласкательствы людскія испортятъ твою непорочность.

Кратов. Тово неопасайся. Мнѣ потребно только о себѣ вспомнить, что бы отъ лести защититься.

Тим. Но ты еще незнаешъ, что человѣкъ исполненъ сомолюбія.

Кратов. Когда человѣкъ былъ осломъ и когда онъ о томъ помнитъ, то самолюбіе имъ неовладѣетъ.

Тим. Я знаю, что гораздо меньше было бы дурачествъ, есть ли бы всякой о своемъ происхожденіи помнилъ; но гордость отъ богатства раждаемая, скоро отъ глазъ людскихъ первое ихъ бытіе удаляетъ, и я столько тому видалъ примѣровъ, что немогу, неставъ самъ виненъ, тебя опасности подвергнуть.

Кратов. По твоимъ словамъ кажется мнѣ, что всѣ люди глупы, а говоря безъ закрышки, ты всѣхъ глупѣе.

Тим. По чему?

Кратов. По тому, что ты отрицаешся быть щастливымъ и по смѣху достойному предразсужденію, хочешъ себя за пороки другихъ наказывать.

Тим.

Тим. Богатство щастія человѣческаго не составляетъ. Къ совершенному благополучію, надлежитъ въ себѣ самомъ находить удовольствіе.

Кратов. Послушай и незаключай ложно. Оселъ, который съ голоду умираетъ, не наслаждается самъ собою; а только томится, видя, что нужнаго недостаетъ къ его насыщенію; а тотъ, который на тучной паствѣ жируетъ, тотъ прямо жизнію пользуется.

Тим. Такъ ты хочешъ, что бы я дары Плутусовы принялъ?

Кратов. Конечно. Тебѣ польза изъ того будетъ.

Тим. Но я ими только между людьми могу пользоваться.

Кратов. Такъ къ нимъ возвращаться надлежитъ.

Тим. Мнѣ снова вдаться въ опасности и быть еще отъ нихъ измѣну?

Кратов. Безъ сомнѣнія; когда это лучшѣе средство къ наслажденію въ нашей жизни. Дурачествы людскіе должны веселить тебя, а ихъ пороки

служить наставленїемъ. Есть ли ты лучше ихъ будешь, такъ вить тебѣ же послужитъ то въ удовольствїе.

Тим. Боюсь, что бы оселъ мой не превратилъ моего разума. Онъ начинаетъ въ томъ увѣрять меня, въ чемъ ни боги, ни люди не могли увѣрить.

Кратов. Послушай; тотъ волкъ почитался бы глупымъ между другими волками, который бы сталъ презирать терзанїе животныхъ, забавлялся бы травкою и иссохъ бы отъ такой пищи, которая ему не свойственна. По той же самой причинѣ заключаю я, что и тотъ человѣкъ ума рехнулся, который не хочетъ жить такъ, какъ живутъ прочїе люди и пользоваться тѣмъ, чѣмъ боги его награждаютъ.

Тим. Ты говоришъ справедливо и я слѣдую твоему совѣту. Пойдемъ въ Аѳины и примемъ тамо дары Плутусовы Я предчувствую то удовольствїе, которое буду имѣть показывая мое богатство жаднымъ моимъ согражданамъ и смотрѣть, какъ они безплодными къ прїобрѣтенїю онаго желанїями,

ніями, станутъ томиться. Пойдемъ! я посмотрю, какимъ ты образомъ сохранишся тамо отъ искушенія между ими.

Кратов. Пойдемъ. Ставши человѣкомъ, хочу я пользоваться всѣмъ, что могу пріобрѣсть отъ новаго моего состоянія; я такъ дѣлалъ и въ прежнемъ. Я буду наслаждаться всѣмъ, что человѣчество къ утѣхамъ моимъ покажетъ. Тамъ то я повеселюся.

Конецъ Пролога.

Дѣйствующїе лица

въ

КОМЕДІИ.

МЕРКУРІЙ, во образѣ и подъ именемъ Аспазїи.

ЕВХАРИСА. любовница Тимонова.

ТИМОНЪ.

КРАТОВУЛЪ.

ИФИКРАТЪ. } ложные друзья.
КАРИКЛЕИ.

СОКРАТЪ. философъ.

УЧИТЕЛЬ. битья на шпагахъ.

УЧИТЕЛЬ. пѣнія.

УЧИТЕЛЬ. пляски.

МЕРКУРІЙ. въ собственномъ своемъ видѣ.

ЛАСКАТЕЛИ.

Дѣйствїе въ Аѳинахъ.

ТИМОНЪ НЕЛЮДИМЪ

КОМЕДІЯ.

Дѣйствіе первое.

Театръ представляетъ городъ Аѳины.

ЯВЛЕНІЕ I.

МЕРКУРІЙ.

въ женскомъ одѣяніи подъ именемъ Аспазіи.

Кто узнаетъ Меркурія въ этомъ образѣ? Будучи посланникомъ Боговъ, долженъ я для исполненія ихъ воли безпрестанно превращаться. Юпитеръ желаетъ, что бы

подъ

подъ именемъ Аспазїи, свершилъ я двойную должность при Евхарисѣ и Кратовулѣ и что бы я ихъ обѣихъ употребилъ къ исправленїю Тимона. Чрезмѣрное сего Нелюдима добросердечїе, было виною перваго его нещастїя. Неблагодарность людская, ввергла его совсѣмъ въ противную крайность и премѣнила съ природы чувствительную его душу въ окаменелую и исполненную ненависти и мщенїя. Таковая чрезвычайность противна Богамъ, которыя добродѣтель въ справѣдливой посредственности удержать желаютъ. Сердце Тимоново чуждо всякаго притворства, и его любовь къ истиннѣ понудила его, обращенїе со звѣрями, предпочесть обхожденїю людскому и своему ослу гласъ человѣческой и спрашивать себѣ въ награду. Юпитеръ намѣренъ воспользоваться симъ превращенїемъ къ его изъ заблужденїя извлеченїю. Начнемъ Евхарисою исполнять его повелѣнїи. Она любитъ Тимона и я научу ее средствамъ къ прїобрѣтенїю его сердца. Вотъ и она идетъ сюда, для размышленїя о ея страсти. (*Становится въ отдалѣнїи.*)

ЯВЛЕНІЕ II.

ЕВХАРИСА.

Не знаю, что мнѢ заключить о движеніяхЪ, сердце мое мятущихЪ? Помышленіе о ТимонѢ, по всюду слѢдуетЪ за мною. Слава о его добродѢтели, о его злополучіяхЪ, меня вЪ жалость приводила и я весьма радуюсь, узнавЪ, что боги прежнимЪ изобиліемЪ его наградили. Казалось мнѢ, что я вЪ его долѢ другаго непринимала участія, какЪ только то, которое единое великодушіе вЪ насЪ вливаетЪ; но часЪ отЪ часу я чувствую нѢчто того сильнѢе. О боги! не ужели любовь подЪ одѢяніемЪ ненависти и нелюдимства, для моего прельщенія скрывалась.

ЯВЛЕНІЕ III.

МЕРКУРІЙ во образѣ Аспазіи и Евхариса.

Аспаз. Здравствуй любезная Евхариса! Отъ чего ищешъ ты уѣдиненія? Конечно любовь играетъ тобою?

Евхар. Есть ли любовь меня сюда приводитъ, такъ эта любовь странная. Я размышляю о Тимонѣ?

Аспаз. О Тимонѣ?

Евхар. Объ немъ! Я видѣла такое отъ него дѣло, которое привело меня въ восхищеніе. Слухъ о томъ, что боги опять его богатствами изобильно наградили, возвратилъ къ нему прежнѣе сборище не благодарныхъ, которыхъ его злополучіе отъ него удалило. Я видѣла ихъ съ завистью другъ предъ другомъ рвущихся, къ истребленію изъ его памяти, не достойныхъ ихъ противу его поступокъ. Аспазія! сколько почтенія достоинъ онъ мнѣ показался, за то справедливое презрѣніе, съ каковымъ онъ гнусные ихъ привѣтствіи отвергнулъ.

Аспаз.

Аспаз Любовь разные пути въ сердцѣ наше сыскиваетъ и тѣ же самыя вѣщи, которыя заграждаютъ приближеніе къ одному, ко другому входъ со всѣмъ способнымъ учиняютъ.

Евхар. Я отъ тебя не скрываю, что ежели бы я кого любить пожелала, это бы Тимона. Его величавое и не принужденное презрѣніе, которое онъ къ людямъ показуетъ, было бы для меня залогомъ его нѣжности. Я еще болѣе скажу тебѣ; я бы ощущала тщеславіе, въ томъ, что бы покоривъ такое сердце, которое явно объявляетъ себя врагомъ человѣческаго рода, вывесть его изъ той чрезвычайности, въ которой я съ соболѣзнованіемъ вижу человѣка, въ протчемъ весьма почтеннаго.

Аспаз. Эта побѣда красоты твоей достойна и я бы тебѣ ее присовѣтывала, естьли бы возможною почитала.

Евхар. Развѣ ты думаешь, что я не достигну до моего намѣренія?

Аспаз. Ты молода, прекрасна и разумна; и эти свойства неоспоримо, суть главные преимущества даваемые

отъ природы. Есть ли ты ихъ осторожно употребишь противу Тимона, то не сумнѣваюсь я, что бы онъ имъ не покорился.

Евхар. Я отважусь на опытъ.

Аспаз. Все зависитъ отъ средства, которое ты предпрїимешь. Нѣтъ ни одного непобѣдимаго сердца, когда будутъ съ слабой стороны дѣлать на него нападенїе. Нѣтъ опять ни одного же ни твердаго, ни слабаго, которое бы такихъ мѣстъ не имѣло, въ которые ни какъ поразить его не можно. И такъ наступающей всегда бываетъ виною долгой обороны: неумѣвъ избрать пути для прїобрѣтенїя побѣды.

Евхар. Я во всѣхъ моихъ поступкахъ люблю отдаваться въ волю моего сердца. Хитрость я ненавижу, а съ нею и всѣ постыдные средства побѣды; и потому не употреблю ихъ противу Тимона. Онъ показался мнѣ прїятнымъ за его чистосердечїе и я тѣмъ же путемъ хочу ему понравиться.

Аспаз. Какъ же ты проста, дорогая Евхариса! и какъ ты еще мало

мущинъ

мущинъ знаешь! Научись отъ меня. Мы всегда отъ нихъ обмануты за наше чистосердечїе бываемъ. Сердца мущинъ странному своенравїю подчинены. Они по толику самыя лучшїя вѣщи любятъ, по колику во овладѣнїи ими трудности находятъ. Легкая побѣда ихъ отвращаетъ, и потому искусная женщина должна скрывать свои благосклонности разными къ стасти изобрѣтаемыми вымыслами, и тѣмъ всламенять жаръ своихъ любовниковъ, которые бы скоро прискучили, есть ли бы весьма надѣжно любовницею своею обладали. Никогда лучше цѣна тому нечувствуется, какъ тогда когда мы того лишиться страшимся и на этомъ то страхѣ основываются, всѣ хитрости любовныя; отъ него то раждаются привѣтствїя, угожденїи, ласки: словомъ все то, что любовники любовницамъ своимъ безпрестанно оказуютъ. При всемъ томъ не стараюсь я отвергать искренность въ любови; и вѣдаю, что она должна быть первымъ основанїемъ; но ее, хитростїю искуства украшать надлежитъ

житъ. На таковые въ любови вымыслы любовникъ самой нѣжной и вкусъ имѣющій столь же мало имѣетъ права негодовать, какъ и на тѣ попѣченіи, которые его любовница употребляетъ на свои уборы: по тому что и въ томъ и въ другомъ случаѣ имѣетъ она предмѣтомъ, ему нравиться и питать его страсть.

Евхар. Ты весьма искусна Аспазія! и я начинаю совѣтами твоими прельщаться.

Аспаз. Слѣдуй имъ; ты пользу изъ нихъ увидишь. Тимонова къ людямъ ненависть, въ одномъ только на нихъ злословіи, удовольствіе ему доставляетъ. Испытавъ ихъ невѣрность, нынѣ онъ всякіе знаки дружбы, которые ему оказывать стараются, считаетъ подозрительными и такими сѣтями, которыми его богатство и легковѣріе уловить стараются. А потому, есть ли ты хотя нѣкоторый доступъ къ его сердцу пріобрѣсть желаешъ, то и надлежитъ тебѣ стараться говорить ему колкую правду; это одно только средство, къ полученію отъ

него

него нѣкоторыя довѣренности. Таковый съ его нравомъ согласный поступокъ, дѣлая нападенiе на его сердце съ слабой стороны, естественно заставитъ его желать съ тобою обхожденiя. Это съ начала потребно, а потомъ любовь и твоя красота, остальное исполнятъ.

ЕВХАР. Я понимаю всю важность твоего наставленiя и намѣрена ему слѣдовать.

АСПАЗ. Ты можешь подвергнуться непрiятнымъ отъ него отвѣтамъ, но ты должна ихъ презирать и достигать своего намѣренiя, не взирая на трудности, которыя на пути находить будешъ. Я слышу его голосъ: онъ съ кѣмъ то бранится. Прости и помни сказанное мною.

ЕВХАР. Я сдѣсь нѣсколько послушаю.

ЯВЛЕНІЕ IV.

ТИМОНЪ, КРАТОВУЛЪ, ИФИКРАТЪ, КАРИКЛЪ и нѣсколько Аѳинянъ слѣдуютъ за ними.

Тим. Подите измѣнники! ни привѣтствія, ни хвалы ваши болѣе меня прельстить не могутъ. Мнѣ уже совершенно гнусность душъ вашихъ извѣстна. Все, что я вамъ дать могу состоитъ въ высокомъ кедровомъ древѣ, на которомъ вы и подобные вамъ повѣситься могутъ.

Кратов. Убирайтеся вы къ дьяволамъ съ вашею дружбою; намъ она не надобна.

Ификр. Какъ Тимонъ! ты не познаешъ болѣе стараго твоего друга, который о тебѣ безпрестанныя къ богамъ возсылалъ молитвы? Я предъузнавая говорилъ, что безсмертные справедливы и конечно въ прежнѣе твое приведутъ тебя состояніе.

Кратов.

Кратов. Онъ честный человѣкъ: приласкайся къ нему.

Тим. Сколь мало ты его знаешъ! Естьлибъ ты измѣнникъ такъ мыслилъ, то по крайней бы мѣрѣ сдѣлалъ себѣ насиліе для прикрытія твоихъ о моемъ нещастіи мыслей; и тѣмъ бы предохранить для себя способы, которыми бы нынѣ меня обманывать вторично. Не ты ли тотъ Ификратъ, который видя меня отъ глада и жажды почти умирающаго, отказалъ мнѣ въ нѣсколькихъ капляхъ воды, въ воздаяніе за всѣ тѣ благодѣянія, которые отъ меня получалъ стократно? Не ты ли обругалъ меня всенародно?

Кратов. Какъ бездѣльникъ! отказавъ моему отъ жажды умиравшему господину въ нѣсколькихъ капляхъ воды, осмѣливаешся ты еще другомъ его называться? Божусь тебѣ, что мои руки къ переломанію твоихъ костей порываются.

Ификр. Не заключай о такихъ дѣлахъ по одному виду. Боги будутъ свидѣтели той дружбы, которую я къ тебѣ питаю. Я уже приказалъ пыш-

ное жертвоприношеніе изготовить въ возблагодареніе за ихъ на тебя излїянную щедроту.

Тим. Злодѣй! берегись то исполнить: твоя жертва гнѣвъ ихъ на меня воспламенить можетъ.

Кратов. То то безстыдный плутъ! онъ и богами и людьми вдругъ хочетъ насмѣхаться. Постой же я принесу спинѣ твоей достойную жертву. (*бьетъ его, а Ификратъ уходитъ.*)

Карик. Ты справедливъ Тимонъ: онъ такой преступникъ, который милостей твоихъ недостоинъ. Напротивъ того я подъ истиннымъ прихожу названїемъ; и вотъ мною сдѣланная ода, на ту побѣду, которую ты одержалъ надъ врагами нашего отечества

Тим. Какъ дерзаешъ ты говорить такую гнусную ложъ? Я никогда на войнѣ не бывалъ.

Карик. Нѣтъ ничего: ты бы враговъ побѣдилъ, есть ли бы съ ними сражался; и такъ моего заключенія довольно.

Тим.

Тим. Не ты ли тотъ, который въ моемъ благополучіи, похвалялъ во мнѣ такія добродѣтели которыхъ я не имѣлъ, и который въ моемъ нещастіи приписывалъ мнѣ такіе пороки, къ которымъ я неудобенъ?

Кратов. Послушай! не сдѣлалъ ли ты и для меня оды?

Карик. Скажи; чѣмъ я тебя прославить могу?

Кратов. Какою нибудь побѣдой, которой мнѣ и неприснилось.

Карик. Изволишь.

Кратов. Постой, я нелюблю лжи и хочу, чтобы во мнѣ только истинну прославляли. Здѣлай ты оду въ похвалу честнаго человѣка, который бездѣльника прибилъ до полусмерти.

Карик. Развѣ это съ тобою случилось?

Кратов. Нѣтъ! но въ эту минуту случится, по тому, что я хочу тебя пожурить за твое бездѣльство. (*Бьетъ Карикла, а тотъ прося о защищеніи уходитъ.*) То-то сущіе злодѣи. Ихъ бездѣльство въ такое бѣшенство меня привело, что я не могу опомниться.

Тим.

Тим. А они то были тѣ добрые друзья, на которыхъ я нѣкогда полагался!

Кратов. Какъ же ты тогда глупъ былъ.

ЯВЛЕНІЕ V.

Евхариса, Тимонъ и Кратовулъ.

Евхар. Все, что я въ Тимонѣ примѣчаю, служитъ мнѣ доказательствомъ важности Аспазїиныхъ совѣтовъ: начнемъ играть комедїю. Здравствуй Тимонъ.

Тим. Здравствуй! *въ сторону*. Но чего она хочетъ? Конечно это новая выманщица моего богатства.

Евхар. Я радуюсь тебя нашедши, и получа случай къ разговору съ такимъ, какъ ты, къ подражанїю неудобнымъ чудакомъ, съ такимъ нелюдимомъ, который за то, что самъ ничего кромѣ дурачествъ не дѣлалъ, хочетъ обвинять всѣхъ съ нимъ живущихъ на свѣтѣ. Я ласкаюсь, что такой странный чудотворъ, довольно повеселить меня можетъ.

Тим.

Тим. Что я слышу! рѣчь се не обыкновеннова слогу.

Кратов. Тебѣ надобно съ нею подружиться. Она безъ обиняковъ говоритъ съ тобою.

Тим. Признаюсь, что ее привѣтствїе меня удивляетъ и что я такого не ожидалъ, слышать. Послушай же и ты мое чистосердечїе. Есть ли мое къ людямъ презрѣнїе, а особливо къ твоему полу тебя веселить можетъ; я въ томъ тебя удовольствую. Начинай тѣмъ скорѣе пользоваться; а кромѣ того ни чего получить отъ меня не ласкайся.

Евхар. Я болѣе того и получить не надѣюсь. Я презираю всѣхъ мущинъ и тогда только прямо довольна бываю, когда мой языкъ на уязвленїе ихъ обращается: а тѣмъ болѣе, когда я нападаю на такого, каковъ ты, сумазброда

Тим. И я признаюсь, что ничего нѣтъ сладостнѣе осужденїя людей: оно прямое утѣшенїе, которое доброму человѣку между тьмою бездѣльниковъ остается. И такъ будемъ говорить непринужденно.

Евхар. Я готова и порадуюсь естьли тебя убѣжду, что ты глупѣе всѣхъ смертныхъ.

Кратов. Она говоритъ сущую правду. Что ты о томъ скажешъ?

Тим. Статься можетъ. Я истинно восхищаюсь нашедъ тебя такого свойства. Станемъ же взаимно веселиться. Какое пріятное для языка моего поле, твое ухищренное лицо, твои коверканьи, твои ужимки: какое мнѣ восхищеніе въ обнаженіи твоего сердца, въ которомъ ты подъ притворною искренностію, самую невѣрность скрываешъ. (*смѣется*)

Кратов. (*смѣется.*) Вотъ тота рѣдкой разговоръ начинается.

Евхар. Какое для меня пріятное утѣшеніе слушать слова̀ такого человѣка, который разсудокъ промѣнялъ на упрямство, чувствованіи человѣческія на суровость; который попеременно разуму супротивляясь, прежде безумно расточалъ свое имѣніе, а нынѣ еще съ большимъ безуміемъ, отрицается вновь ему даннымъ пользоваться! (*смѣется.*)

Кратов.

Кратов. (*смѣется.*) Какое пространное поле для осла, который слушаетъ людей другъ другу правду говорящихъ.

Тим. Чортъ бы взялъ эту грубїянку.

Кратов. Ну, смѣйся; вить она говоритъ очень забавно. (*смѣется.*)

Тим. (*смѣется.*) Да! Изрядно.

Кратов. Мнѣ кажется, что ты не отъ чистаго смѣешся сердца?

Тим. Для совершеннаго познанїя, какъ великъ вертопрашкинъ разумъ, потребно только мнѣ вспомнить о умѣ попугая.

Кратов. (*смѣется.*) О умѣ попугая!

Евхар. А мнѣ надлежитъ только здѣлать уподобленїе твоей головы, съ головою ослиною, что бы прямо узнать, до чего твое безумїе простирается?

Кратов. По тише Госпожа пересмѣшница! потише! Не обижай ословъ безъ нужды и не къ статѣ. Знай, что они животные разумные и что болѣе людей разсудку имѣютъ. Къ увѣренїю же тебя въ томъ скажу я тебѣ, что

ни

ни когда оселъ столь непозволительно не ругалъ своей ослицы, какъ мой Господинъ тебя ругаетъ. Не чего зубы скалить, ослы гораздо лутче васъ благопристойность знаютъ.

Евхар. Ну! что же ты не говоришъ ни слова?

Тим. Етотъ разговоръ самопріятнѣйшій, какого мнѣ въ жизни ни съ кѣмъ имѣть не случалось и ты мнѣ своимъ нравомъ угождаешъ. Я не изыскиваю и того, сама ли ты такъ со мною обходиться придумала, или кто тебя научилъ; но я тебѣ откровенно сказываю, что ты угадала мою слабость. Не думай однакожъ, что я тѣмъ въ обманъ къ тебѣ попадуся. Мнѣ кажется, что я проникъ въ твое намѣреніе, и я буду въ силахъ отъ него защищаться. И есть ли ты ласкалась прельстя мое сердце такими вымыслами, нѣчто отъ меня получить, то выйди теперь на всегда изъ ложнаго мнѣнія: а естьли же ты хочешъ быть довольна единственно нашимъ знакомствомъ, и колкими и справедливыми разговорами, то я сердечно на предложеніе твое согласуюсь.

Ев.

ЕВХАР. Я только того и хочу а далѣе того желанїе мое ни куда нестремится.

КРАТОВ. (*смѣется.*) Вотъ какое рѣдкое вдругъ сдѣлалось знакомство и какая согласная парочка сыскалась.

ТИМ. На такомъ договорѣ, я охотно вѣскорости увижусь съ тобою.

ЕВХАР. И я также: прости.

ЯВЛЕНІЕ VI.

ТИМОНЪ и КРАТОВУЛЪ.

КРАТОВ. Ета баба, превеликая чудесница.

ТИМ. Я отъ тебя нескрываюсь что она мнѣ непротивна, но не знаю по какой притчинѣ.

КРАТОВ. А я такъ знаю. По тому что и она столько же груба, сколько и ты.

ТИМ. Можетъ быть. Но станемъ о другомъ говорить дѣлѣ. Что ты думаешь о этомъ городѣ, и о твоемъ новомъ состоянїи?

Кратов. Я думаю, что мнѣ вѣчно тебя благодарить должно. Предарагое дѣло быть человѣкомъ и совѣстно говоря, старые мои однородцы, господа ослы передомною, ни что иное, какъ скотина.

Тим. А почему ты такъ заключаешъ?

Кратов. По тому, что люди богатствомъ и сердечные пороки и недостатокъ разума награждают. Я видѣлъ женщинъ, которыя обѣщали меня любить до безумія, ежели я ихъ дарить буду: друзей, которые усердіемъ своимъ обнадѣживали, естьли я имъ за то платить стану: Стихотворцевъ, которые хотѣли на вѣчность славу мою здѣлать безъ смертною, ежели я ихъ только по сытѣя ежедневно кормить возмусь: знатныхъ, которые меня въ свой родъ причислить и засвидѣтельствовать то бралися, есть ли я дамъ имъ въ долгъ хотя половину того, чѣмъ тебя наградили боги. Люди за деньги все то дѣлать берутся, чего ни какъ кажется сдѣлать не можно.

Тим. *смѣется.*

Кратов.

КРАТОВ. Подай мнѣ скорѣй твое богатство?

ТИМ. Къ чему оно тебѣ потребно?

КРАТОВ. Хорошенько повеселиться.

ТИМ. Моя къ людямъ ненависть и любовь къ тебѣ отъ того меня удерживаетъ. Я не хочу, что бы кто нибудь воспользовался щедростїю твоею, ниже попустить тебя быть обманутымъ и прельщеннымъ роскошью. Я искреннїй твой другъ и для тебя въ томъ тебѣ отказываю.

КРАТОВ. Ты искреннїй мнѣ другъ! а отказываешъ въ томъ, что веселить меня можетъ.

ТИМ. Да!

КРАТОВ. И естьли бы я сталъ веселиться, такъ бы это меня испортило.

ТИМ. Всеконечно.

КРАТОВ Послушайка меня! Съ тѣхъ поръ, какъ я все то, что ты говоришъ, разумѣю, неслыхалъ я отъ тебя ни чего кромѣ вздору: я незнаю отъ кудова онъ у тебя берется къ тому, что бы мнѣ досаждать. Наконецъ я отъ того уже и терпѣнїя лишаюсь.

Тим. Ето отъ того, что ты не знаешъ, что тебѣ прилично.

Кратов. Я ни очемъ инако судить не могу, какъ примѣняясь къ прежнему моему состоянїю. Въ бытность мою скотомъ всегда искивалъ я корму на лутчихъ паствахъ, разумѣется, когда отъ того тобою отводимъ былъ, по тому что ты во всю свою жизнь, чортъ знаетъ по чему находилъ себѣ удовольствїе дѣлаючи мнѣ всякїя досады: когда чувствовалъ я жажду, тогда бѣгалъ къ лучшему и чистѣйшему источнику и всегда того искалъ, что мнѣ удовольствїе дѣлало Я въ томъ стою, что эдакїй поступокъ, во всякомъ состоянїи разуменъ И какъ я теперь уже человѣкъ, то и хочу имѣть лучшей и покойнѣйшей домъ, одежду богатую и хорошо сшитую; пить, ѣсть по моему желанїю все лучшѣе, а въ прибавокъ ко всему тому требую пригожую женщину: но какъ ни чего изъ моихъ желанїй безъ денегъ исполнить не можно, то дай мнѣ ихъ въ сїю же минуту.

Тим. Въ томъ то ты и заблуждаешся. Я хочу, что бы ты былъ прямой человѣкъ, потому что не всѣ тѣ люди, которые подобїе человѣческое имѣютъ. Я въ желаемыхъ тобою шалостяхъ, для того тебѣ отказываю, что бы учинить тебя совершеннымъ господиномъ надъ нашими страстями. Тотъ только по справѣдливотси человѣкомъ нарицается, кто ихъ преодолѣваетъ и владычествуетъ ими.

Кратов. Но ты, ты, который противъ воли твоей и противъ разсудка поучать меня желаешъ; властвуешъ ли ты надъ своими страстями?

Тим. Безъ сомнѣнїя, потому что я лишаю себя всего того, что одни только страсти желать насъ заставляютъ.

Кратов. Скажи мнѣ? нѣтъ ли въ людяхъ еще и такихъ страстей, которыя ихъ отъ веселїя отвлекаютъ?

Тим. Есть и очень много.

Кратов. Ненависть, досада, мщенїе, такъ же не страстили?

Тим. Всеконечно, и самыя гнусныя.

Кратов. Ежели ты увидишъ человѣка

ловѣка стоящаго между двумя женщинами, одной столь безобразной, какъ мартышка, а другой прекрасной, какъ давѣшняя, и есть ли онъ выберетъ дурную, что ты объ немъ скажешь?

Тим. Что этотъ человѣкъ дурнаго вкуса.

Кратов. И такъ ты превеликая скотина.

Тим. По чему?

Кратов. По тому, что ты между такимъ множествомъ прїятныхъ страстей избралъ самыя гнусныя и что ты предпочитаешъ сладостной жизни, угрюмое удовольствїе, на самого себя досадывать, и питать ненависть на весь родъ человѣческїй.

Тим. (*про себя.*) Это разсужденїе меня смутило. (*Кратопулу.*) Ты еще не довольное имѣешь о страстяхъ понятїе, что бы судить о важности моего мнѣнїя: мнѣ должно помогать твоему невѣжеству и моя дружба воспрещаетъ мнѣ удовольствовать твою прозьбу.

Кратов. И такъ ты мнѣ денегъ дать не хочешь?

Тим.

Тим Нѣтъ.

Кратов. Здѣлай же меня по прежнему осломъ.

Тим. Для чего?

Кратов. Для того, что я лучше хочу быть осломъ, нежели человѣкомъ безъ денегъ.

Тим. Ты не знаешъ, чего ты просишъ?

Кратов. Ты не знаешъ, что ты бредишъ. Послушай меня и единожды въ жизни своей безумствїе свое оставя, дай мнѣ денегъ.

Тим. Тщетна твоя прозьба.

Кратов. Чортъ же тебя возьми. По всему, что я вижу, каждый человѣкъ, прямо лютой волкъ, для всѣхъ тѣхъ которые бѣднѣя его на свѣтѣ.

Тим. Ты говоришь дѣло, мой другъ!

Кратов. Такъ по что же проклятымъ упрямствомъ наполненная голова, когда я говорю дѣло, ты словъ моихъ не исполняешъ?

Тим. Ты говоришь дѣло осуждая людей, но ты говоришь вздоръ прося того, что тебя такимъ же порочнымъ, каковы они сдѣлать может.

Кратов.

Кратов. Что бы Юпитеръ поразилъ тебя и съ твоею ко мнѣ дружбою: ненавидь меня пожалуй, но дай мнѣ денегъ.

Тим. (*смѣется*)

Кратов. Есть чему зубы скалить.

Тим. Твой гнѣвъ меня забавляетъ, и я весьма дурно сдѣлаю, есть ли его прекрачу. Прости. (*смѣется.*)

Кратов. (*смотря на него и ничего не говоря, но съ движенїемъ открывающимъ его злобу.* Подлинно есть чему смѣяться, заставляя мучиться бѣднаго человѣка и препятствуя его удовольствїю. Надобно мнѣ съ нимъ разойтися и искать веселїя безъ его денегъ.

ЯВЛЕНIЕ VII.

Меркурiй подъ образомъ Аспазiи и Кратовулъ.

Аспаз. Кратовулъ теперь совершенно золъ на Тимона. Воспользуюсь этимъ случаѣмъ для произведенїя въ дѣйствїе воли Юпитеровой.

Кратов.

Кратов. Эта дѣвка очень пригожа. Подойду кЪ ней. Здравствуй моя красавица!

Аспаз. Развѣ вы меня сударь знаете?

Кратов. Столько, сколько мнѣ потребно. Я вижу, что ты очень хороша, и этаго для меня довольно.

Аспаз. А какЪ васЪ зовутЪ?

Кратов. КратовуломЪ.

Аспаз. ТакЪ вы тa тотЪ любви достойный человѣкЪ, котораго ТимонЪ изЪ всѣхЪ на свѣтѣ одного почитаетЪ?

Кратов. Я!

Аспаз. А любезный КратовулЪ! Какая счастливая для меня встрѣча. Я васЪ всемѣстно искала.

Кратов. А я про то не вѣдалЪ и ты хорошо здѣлала о томЪ мнѣ сказавши.

Аспаз. Сколь жалко состоянїе дѣвичье. Естьли бы я была мущина, то бы безЪ малѣйшей застѣнчивости изъяснилась; но теперь стыдЪ меня удерживаетЪ.

Кратов. Неделай себѣ принужденія. Ты можешь откровенно говорить со мною и я тебѣ то позволяю.

Аспаз. Вы худое мнѣніе обо мнѣ получите.

Кратов. Напротивъ я больше тебя почитать стану, по тому что я не люблю лукавства.

Аспаз. Когда такъ, то вѣдай, что я тебя люблю отъ всего сердца: это столь вольное открытіе, не противно ли вашему нѣжному сердцу?

Кратов. Не ужѣли ты меня столько глупымъ почитаешъ. Нѣжному моему сердцу противно бы было, естьли бы ты сказала, что меня ненавидишъ.

Аспаз. По эдакимъ мыслямъ вы еще любви достойнѣе кажетесь.

Кратов. И можно ли кому инако помыслить, кромѣ того, кто подобно Тимону ума рѣхнулся. Этотъ человѣкъ тѣхъ только и любитъ, кто ему говоритъ ругательствы. Такъ ты меня очень любишъ?

Аспаз. Отъ всего сердца.

Кратов. Отъ всего сердца. Выраженїе нѣжно и прямо катится къ моему сердцу.

Аспаз. Такъ и вы нѣсколько меня любите?

Кратов. Какъ нѣсколько? Я тебя люблю много.

Аспаз. По этому вы на мнѣ женитесь?

Кратов. Да! ежели ты хочешъ.

Аспаз. Ежели я хочу? Кто откажетъ любимцу Тимонову, тому человѣку, съ которымъ онъ все свое богатство раздѣляетъ.

Кратов. Тимонъ раздѣляетъ со мною все свое богатство?

Аспаз. Да!

Кратов. Ты его худо знаешъ. Совершенно ли тебѣ этотъ чудакъ, о которомъ ты говоришъ, извѣстенъ?

Аспаз. Нѣтъ. Но сказываютъ, что вы повелѣваете его счастїемъ и по произволу вашему всѣмъ его имуществомъ распоряжаете. А какъ онъ имѣетъ несчетное богатство, которымъ всѣ въ жизни нашей сладости

 устрос-

устроеваются, то я заключаю, что дни ваши текутъ въ непрерывномъ удовольствїи. Хорошїй столъ, кареты, великолѣпные домы: словомъ все на свѣтѣ вы имѣете.

Кратов. Кто таковы эти негодники, которые это тебѣ сказали?

Аспаз. Весь городъ.

Кратов. Весь городъ лжотъ. Тимонъ не даетъ мнѣ ни этова.

Аспаз. Тѣмъ хуже, и естьли слухъ народной неправиленъ, такъ Тимонъ васъ нелюбитъ, а только ругается вами.

Кратов. Я то же думаю.

Аспаз. Оставимъ же нашу свадьбу; и я вамъ на отрѣзъ сказываю что мнѣ хочется за мужъ для того только вытти, что бы жить богато.

Кратов. Но это безумно.

Аспаз. Пусть безумно; но такъ быть должно.

Кратов. Но природа вить непомышляла о богатствѣ, когда мужа и жену для ихъ совокупленїя сотворяла.

Аспаз Непроникая въ ее распоряженїе, скажу я тебѣ только то,

что

что она же произвела тѣ вещи, изъ коихъ острота людская здѣлала богатство и эта острота въ нихъ даръ природы. И такъ снискивая богатство повинуемся мы ея законамъ, по тому что когда въ немъ изобилуешъ, тогда и жизнь наша благополучна бываетъ.

Кратов. Я вижу, что ты говоришъ дѣльно и ясно.

Аспаз. Яснѣе дневнаго свѣту.

Кратов. Какъ же поступить для полученія богатства?

Аспаз. Ежели меня послушаешся, то я тебѣ дамъ наставленіе.

Кратов. Давай пожалуй, какъ можно скорѣе.

Аспаз. Обокрадь Тимона.

Кратов. Это вздоръ. Я слышалъ, что красть дурно.

Аспаз. По чему?

Кратов. Я того незнаю.

Аспаз. Что принадлежитъ ослу, когда онъ на полѣ пасется?

Кратов. То, что онъ есть можетъ.

Аспаз. Кому же принадлежитъ то, чего онъ съѣсть не можетъ.

 Кратов.

Кратов. Другимъ осламъ, которые въ томъ имѣютъ нужду.

Аспаз. Богатство для людей то же самое, что паственные луга для скотовъ: и такъ все, что Тимону ненужно, ему не принадлѣжитъ и ты это взять можешъ.

Кратов. Это я разумѣю; но вотъ что меня при томъ удивляетъ, что ослы о томъ свѣдомы, а люди нѣтъ.

Аспаз. Какая тебѣ до того нужда: естьли ты что самъ помнишъ, такъ понятiемъ своимъ должно тебѣ пользоваться и взять у Тимона то, что онъ несправедливо и у тебя и у другихъ людей похищаетъ.

Кратов. И это очень ясно. Я могу взять изъ его богатства сколько мнѣ потребно, а прочее ему оставить.

Аспаз. Тебѣ все у него взять надлежитъ.

Кратов. О! этова я нездѣлаю. Я безсовѣстно поступлю, взявъ больше нежели мнѣ надобно; или и онъ будетъ невиноватъ въ томъ, что все для себя одного оставляетъ.

Аспаз.

Аспаз. Какъ же ты простъ. Развѣ ты не видишъ, что когда онъ имуществомъ своимъ не пользуется, то ты ни чего отъ него не отнимаешъ, взявъ вещь со всѣмъ ему не нужную.

Кратов. Я доказательствы твои правильными принимаю. Но еще нахожу я нѣчто, что меня смущаетъ. Онъ поставляетъ въ томъ все свое удовольствіе, что не даетъ людямъ участія въ своемъ богатствѣ, а естьли я у него украду, то тѣмъ отниму у него и послѣднюю забаву.

Аспаз. Но эта забава не справѣдлива.

Кратов. И то правда. Но я люблю Тимона и не взирая на его грубости, не хочу ни чего досаднаго ему здѣлать.

Аспаз. Естьли ты его въ истинну любишъ, то лучшее въ томъ подашъ свидѣтельство, укравъ у него все, что онъ имѣетъ.

Кратов. Естьли ты и это мнѣ докажешъ, то я буду безъ отвѣтенъ.

Аспаз. Это очень нетрудно. Людямъ оказывается добро отнятіемъ у нихъ такихъ вещей, которыя кромѣ заботы ни чего имъ не приносятъ; и имъ дружба свидѣтельствуется когда до безчестія ихъ недопустятъ. Тимонъ вѣчное навлекаетъ себѣ посрамленіе, отказывая людямъ въ томъ, что имъ нужно; а малая ему польза отъ великаго богатства, наводитъ только ему безпокойствіе его сохраняя. И такъ похитя у него деньги избавишъ ты его отъ суетной заботы и лишишъ той притчины, за которую его ненавидятъ и презираютъ: ты доставишъ тѣмъ, которымъ онъ помогать отрицается, ту часть, которую природа имъ изъ его сокровищъ назначила. И какъ всѣ добрые дѣла награжденіи пріобрѣтаютъ, то будешъ ты отъ всѣхъ почитаемъ и любимъ, и естьли обладаніе мною тебѣ лѣстно, такъ и меня при томъ получишъ.

Кратов. Ни когда я не думалъ, чтобъ обокрасть своего господина было столь похвальное дѣло. Теперь я и

самъ

самъ понимаю что, слѣдуя совѣсти должно мнѣ взять богатство Тимоново, но при всемъ томъ, не хочу я того сдѣлать.

Аспаз. Для чего?

Кратов. Для того, что я здѣсь нѣчто чувствую, что мнѣ говоритъ, будто это дурно.

Аспаз. И такъ ты сказанное мною не правильнымъ почитаешъ?

Кратов. Я то весьма справедливымъ считаю, однакожъ кажется мнѣ, что твоя правда будетъ несправедливость и обманъ отъ меня противъ Тимона.

Аспаз. Невинная его простота еще направляетъ его на путь истинный, хотя онъ того и самъ незнаетъ. Надлежитъ его предать людямъ лукавымъ для приведенія его до того, что мнѣ для его и Тимонова наставленія потребно. Я таковыхъ нѣсколько собрала, сказавъ, что они на пиръ къ нему созваны, куда ихъ голодные желудки всегда готовы. Пойду и купно съ ними преклоню его къ роскоши и учиню невиннымъ преступникомъ.

Пойдемъ любезный Кратовулъ. Я тебя заставлю быть счастливымъ.

Кратов. Для этаго я всюды готовъ съ тобою.

Конецъ перваго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

ТИМОНЪ и ЕВХАРИСА.

ТИМ. Я ищу Евхарису. Ея чистосердечіе, съ каковымъ она со мною говорила, весьма мнѣ понравилось. Ничего нѣтъ обычайнѣе ласкательствъ къ людямъ богатымъ, въ которыхъ нужду имѣютъ; но ничего же нѣтъ и столь рѣдкого, какъ что бы, въ глаза имъ сказывать, то что объ нихъ думаютъ. Но вотъ и она.

ЕВХАР. Я рада тебя нашедши, для того, что я раскажу тебѣ такое приключеніе, которое меня позабавило и которое, какъ я думаю, достойно твоего осужденія.

ТИМ. Я тебѣ въ трое за то заплачу другимъ, которое произвело во мнѣ отвращеніе.

Евхар.

ЕВХАР. И такъ мы изрядно повеселимся: по тому что слабости людскія самая лучшая утѣха, для такихъ, каковъ ты, нелюдимовъ. Не правда ли?

ТИМ. Правда, что я таковъ былъ тебя незнавши, но познакомясь съ тобою мнѣніе мое премѣнилось. Я чувствую, что ты всѣхъ на свѣтѣ превосходишъ.

ЕВХАР. Тимонъ ли говоритъ со мною?

ТИМ. Отличи Тимона съ тобою говорящаго, отъ того Тимона, который говоритъ съ другими людьми. Со всѣми протчими я сущей нелюдимъ, а съ тобою самой нѣжной и чувствительной человѣкъ.

ЕВХАР. Развѣ забылъ ты то, что я отъ тебя недавно слышала?

ТИМ. Помню, но мое сердце убѣждаетъ меня къ признанію, что я несправѣдливъ былъ передъ тобою.

ЕВХАР. И ты сердцу своему вѣришь?

ТИМ. Говоря откровенно, я не знаю должно ли мнѣ на него полагаться. Ты такова пола, который

прелѣстенъ и опасенъ, и который подъ пріятностьми кроетъ для меня наилютѣйшія мученіи: я то вѣдаю; но при томъ вижу себя безсильна спастись отъ заразъ твоихъ.

Евхар. Есть ли бы я не совершенно знала, что ты давно рѣхнулся, то бы теперь тобою сказанное меня въ томъ увѣрило,

Тим. Ты говоришь правду и я дивлюсь, какъ мой разсудокъ столь ослабѣть могъ. Я чувствую, что суетная мѣчта меня обольщаетъ. Что бы такое я любилъ въ тебѣ? Не знаю, по тщуся ослѣпить себя обманчивымъ видомъ, котораго пороки прикрыты цвѣтами младости скоро увядающей. Очень скоро, или лучше сказать мгновенно, время лѣтъ нашихъ, эти твои тлѣнныя выгоды унесетъ съ собою, а вмѣсто того оставитъ дряхлость покрытую морщинами и безобразіемъ.

Евхар. То то нѣжное въ любви открытіе.

Тим. Оно Тимоново. Есть ли чистосердечіе мое тебя огорчаетъ, то оно же свидѣтельствуетъ тебѣ, сколь не притворны мои мысли.

Ев.

Евхар. Я ихъ таковыми же, какъ и ты почитаю, по притомъ явно вижу, что ты противъ воли своей уступаешъ такому чувствованїю, которое тебѣ насилїе причиняетъ. Страсть его производитъ; но какъ скоро эта страсть будетъ удовольствована, то уступитъ она мѣсто презрѣнїю и ненависти. Всѣ мы имѣемъ свои пороки: я имъ очень подвластна, и для того, есть ли я когда въ кого влюблюся, то не инако дамъ ему мое слово, какъ съ крѣпкою отъ него клятвою, что бы онъ мнѣ прощалъ мои слабости.

Тим. Твердо уповая ихъ найти въ тебѣ отваживаюсь сказать, что я прощать ихъ стану.

Евхар. Какъ же это учтиво сказано! Но можно ли мнѣ на то положиться?

Тим. Чистосердечїе мое сумнѣнїю не подвержено.

Евхар. Платя чистосердечїемъ за чистосердечїе, совѣтую я тебѣ никогда не говорить о нѣжности. Ты тѣмъ меня въ смятенїе приводишъ и я признаюсь, что огорчительные твои, недавно

давно мнѣ сказанные слова, казались пріятнѣе твоего любовничьяго привѣтствія. Ты мнѣ ни чемъ кромѣ язвительной своей сатиры нравиться не можешъ.

Тим. Постой Евхариса. Есть ли сатира тебѣ удовольствіе приноситъ, то можешъ ли ты гдѣ нибудь большее увидѣть для себя утѣшеніе, какъ въ моихъ объятіяхъ.

Евхар. Я опасаюсь, не заразительны ли они, и для того тебя оставляю.

ЯВЛЕНІЕ II.

Тимонъ *одинъ.* Евхариса! Евхариса! Она бѣжитъ отъ меня; и къ чему мнѣ ее удерживать? Какое мое намѣреніе? Я! я, который всѣхъ женщинъ презираетъ; неужъ ли буду я униженно и спрашивать взаимности отъ той, которая ко мнѣ кромѣ отвращенія ни чего неощущаетъ. Нѣтъ! благодареніе богамъ, вложившимъ въ меня суровость, которая теперь наивѣрнѣйшее

вѣрнѣйшее средство къ спасенію моего разсудка. Но что же я чувствую? Въ сердцѣ моемъ такіе волненіи, которыхъ успокоить я силы не имѣю Чѣмъ же они производятся? О бѣдный Тимонъ! ты въ прельщеніи себя удовольствіе обрѣтаешъ; и эта противу себя суровость, за которую ты благодаришъ безсмертныхъ, есть та гибельная вѣсть, которая съ сего дня вѣчнымъ узникомъ тебя оставитъ А!... я вижу, Кратовула: онъ весьма къ стати на прогнаніе моей слабости приходитъ.

ЯВЛЕНІЕ III.

Тимонъ и Кратовулъ.

Кратов. Я сію минуту обокралъ Тимона и нетерпѣливо его ищу что бы посмотрѣть, какія онъ станетъ дѣлать рожи. Эта Аспазія смертельно меня любитъ; и она съ ея друзьями, которые во мнѣ тысячи достоинствъ прославляли, уговорили меня обокрасть Тимона. Да я и самъ увидѣлъ, что на-

добно отнять у него то что ему въ тягость служитъ. Посмотрю я, какъ онъ со мною говорить будетъ. Ба! да и онъ здѣсь.

Тим. Подойди ко мнѣ любезный Кратовулъ, приди облегчить меня отъ скуки людьми и самимъ мною мнѣ нанесенной. Ты мое одно утѣшенiе ...

Кратов. Я то знаю, и я сдѣланъ для облегченiя тебя отъ всего того, что тебѣ въ тягость бываетъ.

Тим. Всѣмъ отъ боговъ награжденiямъ, я тебя предпочитаю.

Кратов. Конечно. Гдѣ бы ты сыскалъ такова друга, который бы для тебя сдѣлалъ то, что я дѣлаю и который бы по сущей къ тебѣ преданности избавилъ тебя отъ того, чѣмъ ты у людей въ ненависть и презрѣнiе приходишъ.

Тим. Что ты говоришъ?

Кратов. То, что въ эту минуту я богатъ, а ты бѣденъ: но Кратовулъ тебѣ докажетъ, что онъ добрѣе Тимона. На возми денегъ, и поди веселися.

Тим. Гдѣ ты взялъ эти деньги?

Кратов. Тамъ гдѣ они были: возми, возми, не спрашивая о томъ, гдѣ я ихъ взялъ.

Тим. Не у меня ли ты ихъ нѣсколько взялъ на удачу?

Кратов. Я ничего на удачу не дѣлаю, а все слѣдуя разсудку и чести; и когда рука моя къ чему доберется, то она ничего не оставляетъ. Но вить ты меня почитаешъ дуракомъ, скотиною и худымъ другомъ, который долгу своего не знаетъ?

Тим. Я ничего изъ этаго вздору не понимаю: изъяснися?

Кратов. Я не дивлюсь, что ты меня не понимаешъ; и понималъ ли ты когда нибудь здравое разсуждение?

Тим. Но скажи мнѣ, что твое болтанье значитъ?

Кратов. Поди домой, тамъ ты все и въ одну минуту узнаешъ: поди лишь и оглядися.

Тим. Я начинаю сумнѣваться, онъ по утру просилъ у меня денегъ: кто нибудь во зло его простоту употребляя, научилъ его обокрасть меня: пойду узнать правду.

ЯВЛЕНІЕ IV.

КРАТОВ. Онъ очень удивится ненашедъ ни одной полушки. Ха, ха, ха, ха. То то я посмѣюсь надъ нимъ, когда онъ узнаетъ; что я богатъ, а что онъ ни чего не имѣетъ. Сдѣсь то, какъ мнѣ сказывали домъ Сократовъ: мнѣ надобно съ нимъ посовѣтовать, о нѣкоторыхъ покупкахъ, кои мнѣ потребны; по тому что я намѣренъ пользоваться всѣмъ тѣмъ, что счастье въ мои доставило руки.

ЯВЛЕНІЕ V.

КРАТОВУЛЪ и СОКРАТЪ.

СОКР. Кто тамъ?
КРАТОВ. Я.
СОКР. Чево ты хочешъ?
КРАТОВ. Ты ли Сократъ?
СОКР. Я.
КРАТОВ. Объяви мнѣ правду: необманули ли меня сказавъ, что ты самой искусной человѣкъ въ свѣтѣ?

Сокр. Я много трудился, чтобъ таковымъ сдѣлаться, но всѣ мои труды и ученїе, научило меня знать только то, что я ничего не знаю.

Кратов. Ты бы лучше сдѣлалъ, ежелибъ не учился тому, что бы ничего не знать.

Сокр. Я бы довольнѣе былъ собою; но я бы былъ при томъ моимъ самолюбїемъ обманутъ.

Кратов. Прїятно ли быть обмануту своимъ самолюбїемъ?

Сокр. Не очень, по тому что оно трогаетъ и унижаетъ человѣка.

Кратов. Я жалѣю о тебѣ, что ты такъ много учился и совѣтую забыть все, что ты выучилъ.

Сокр. Для чего?

Кратов. Для того, что такое знанїе, которое насъ унижаетъ, не стоитъ того невѣжества, которое довольными насъ дѣлаетъ. И я вижу что тѣ, которые сказали мнѣ, что я отъ тебя могу получить хорошїе совѣты, не только выучились сколько ты.

Сокр. По чему такъ, ты думаешъ?

КРАТОВ. По тому, что невѣдают они и того, что ты ни чего незнаешь.

СОКР. Я бы хотѣлъ довольно имѣть знанія, чтобъ тѣмъ здѣлаться достойнымъ твоего знакомства.

КРАТОВ. Для этаго надлежало бы тебѣ быть гораздо искуснѣе: но что дѣлать. Я стану у твоего невѣжества просить совѣта, по тому что ты ни чего болѣе въ себѣ неимѣешъ.

СОКР. (*въ сторону.*) Этотъ человѣкъ весьма страненъ. Можно ли знать, кто ты таковъ?

КРАТОВ. Кратовулъ, другъ Тимоновъ

СОКР. Это ты, о которомъ весь городъ проповѣдуетъ дѣла пречудные?

КРАТОВ. Точно я! Но чтожъ про меня говоритъ городъ: неужъ ли онъ знаетъ, что я обокралъ Тимона?

СОКР. Говорятъ: что ты былъ оселъ и изъ него превращенъ въ человѣка.

КРАТОВ. Это правда.

СОКР. Я не могу тому вѣрить, это чудо! это сказка!

Кратов. Вѣрь или невѣрь, въ томъ мнѣ мало нужды; но дай мнѣ совѣтъ, котораго я у тебя требую. Вотъ все въ двухъ словахъ. Я богатъ, а мнѣ сказали, что всякой богачь все на свѣтѣ имѣть можетъ: что посредствомъ золота я могу выбрать себѣ, какихъ только я вздумаю славнѣйшихъ предковъ, разумъ, достоинства, степени, саны, славу, словомъ: все, что мнѣ захочется. Я предпрїялъ все это имѣть, чего бы то ни стоило и имѣть прежде нежели спать лягу И такъ скажи мнѣ, гдѣ это продается. Хотя ты и выучилъ своимъ ученїемъ знать то, чтобъ ни чего незнать; но на столько ума, думаю я еще осталося, чтобы показать мнѣ, тѣ лавки, въ которыхъ все это продается. Незадумывайся. Сказывай мнѣ скорѣе. За сколько продашъ ты мнѣ отца полубога, вмѣсто моего, который дѣйствительно былъ оселъ, но оселъ пречестный?

Сокр. Не ожидалъ я сего дня такой забавы. Повеселюся. Цѣна будетъ по твоему выбору. Скажи, кого ты хочешъ?

Кратов.

Кратов. Я ни кого изъ нихъ не знаю: выбирай ты, я на твою полагаюся совѣсть.

Сокр. Хочешъ ли Тезея?

Кратов. Хорошъ ли онъ?

Сокр. Конечно. Первый Герой изъ Аѳинянъ.

Кратов. И такъ я его возму: а какъ онъ дорогъ?

Сокр. Надобно о томъ поговорить съ родословщикомъ.

Кратов. Что это за животное?

Сокр. Человѣкъ выводящій поколѣніи другихъ, который тебя произведетъ отъ Тезея.

Кратов. И послѣ того я болѣе не буду сынъ ослиный?

Сокр. Ты всегда останешся тѣмъ же, чѣмъ созданъ, потому что ни родословщикъ, ни сами боги естества перемѣнить не могутъ. Но сыщутся люди, которые незная твоя природы почтутъ тебя тѣмъ, чѣмъ ты себя называть станешъ; а другіе о томъ знающіе надъ тобою, какъ надъ самозванцемъ, смѣяться будутъ.

Кратов. Такъ этотъ плутъ, котораго ты родословщикомъ называешъ, беретъ деньги за то, чего онъ дать не въ силахъ.

Сокр. Конечно! и неужли думалъ ты, что онъ тебя дѣйствительно сдѣлать можетъ знатной природы?

Кратов. Точно такъ, а безъ того бы шутомъ я не сдѣлался и не далъ бы даромъ денегъ. Хорошо было я сдѣлалъ. И такъ я не хочу болѣе знатной природы, моя хоть и не знатна, да надъ нею смѣяться кромѣ дураковъ никто ни чѣмъ не можетъ.

Сокр. О боги! оселъ чувствуетъ пустое тщеславіе природы; а люди презирая порядокъ естества разными подлостями и дурачествами за этою мечтою гоняются.

Кратов. Перестань бормотать о природѣ, продай-ка мнѣ нѣсколько славы

Сокр. Какова свойства ты ее хочешъ?

Кратов. Преумной вопросъ. Я хочу самой лучшей.

Сокр. Она двоякая. Одна происходитъ отъ добродѣтели и ее пріобрѣтаютъ правотою души и добрыми дѣлами, а другая рождается отъ предразсужденія и деньгами покупается.

Кратов. А у меня кромѣ денегъ ничего нѣтъ.

Сокр. Такъ тебѣ послѣдняя потребна. Къ ней пути различны. Напримѣръ: Алкивіадъ увѣнчанъ былъ славою за то, что онъ на играхъ олимпическихъ при конскомъ ристаніи одержалъ первенство.

Кратов. И такъ этотъ господинъ Алкивіадъ скоряе лошадей бѣгалъ?

Сокр. Онъ не бѣгалъ.

Кратов. Да кто же бѣгалъ?

Сокр. Его лошади, которые всѣхъ прочихъ обѣжали, а хозяинъ ихъ за то былъ увѣнчанъ

Кратов. Какіе же скоты сдѣлали это награжденіе?

Сокр. Почтеннѣйшіе въ Греціи люди.

Кратов. Они сущїе дураки, потому что лошадей Алкивїадовыхъ увѣнчать надлѣжало, за то что они другихъ обѣжали. И какъ эта слава только лошадиная, то скотинѣ она и надобна, а какъ я нынѣ человѣкъ, то продай мнѣ человѣческую.

Сокр. Ты можешъ итти на войну: и есть ли ты тамо покроешъ поля мертвыми тѣлами, есть ли разсыплешъ множество городовъ и цѣлые народы истребишъ своимъ безчеловѣчїемъ, то прїобрѣтешь имя безсмертное и тебя возведутъ въ число знаменитыхъ героевъ.

Кратов. Къ чорту! съ эдакою славою, къ чорту! эта слава людей бѣшеныхъ; и волки волковъ не терзаютъ: я не хочу ее.

Сокр. Однако она изъ лучшихъ.

Кратов. Къ чорту съ нею, я ее нехочу.

Сокр. Послушай: пиши комедїи: есть въ Аѳинахъ люди, которые тѣмъ прославились.

Кратов. А что такое комедїя?

Сокр.

Сокр. Это родъ разума, въ которомъ всенародно осмѣваютъ людей и ихъ дурачествы.

Кратов. Эта слава изрядная. Я ее хочу. Не можно ли мнѣ на Тимона комедїю сдѣлать? Я бы радъ былъ заставить его собственнымъ его дурачествамъ смѣяться.

Сокр. Дѣло возможное.

Кратов. И немогу ли я и себя приплесть къ нему съ моимъ превращенїемъ?

Сокр. Очень можно: и люди достойны того, что бы оселъ имъ смѣялся.

Кратов. Какъ же поступить, что бы съ удачею комедїю сдѣлать.

Сокр. Надлежитъ угодить.

Кратов. А какъ же угодить та?

Сокр. Надлежитъ написать остро, говорить правду съ благопристойностию удобную къ поправленїю нравовъ: заставить зрителей благородною шуткою улыбнуться, убѣгать низости и пахабства, пустой игры словъ, которыя честнымъ людямъ скуку наводятъ. Когда такъ поступишь, то нѣ-

которой части сдѣшняго города, разумными называющейся, угодишь непремѣнно.

Кратов. Ето средство угожденія мнѣ очень угодно: и такъ я всѣмъ людямъ угожу?

Сокр. Отнюдь не всѣмъ, и тѣмъ ты не долженъ льститься, хотя бы славнѣйшую сочинилъ комедію. Вить есть въ городѣ духи сварливые, которыхъ Авторами имянуютъ, люди, которые такъ же сочиняютъ Комедіи и ни въ чемъ кромѣ своего пера добраго не находятъ.

Кратов. Но есть ли моя комедія будетъ хороша; такъ имъ нечего бредить?

Сокр. Многое; а чтобы доказать тебѣ то, такъ положимъ на примѣръ, будто ты Авторъ.

Кратов. Изволь.

Сокр. Я сперва скажу, что твое содержаніе съ лишкомъ баснословно для театра, который правдѣ подобнаго всегда требуетъ.

Кратов. Но есть ли я скажу въ ней все правдѣ подобное и съ разумомъ, такъ ты ничего не выторгуешь.

Сокр.

Сокр. Я тебя просвищу.

Кратов. За что?

Сокр. За то что ты шалунъ и тебѣ разумнаго ничего сказать не можно.

Кратов. Ктожъ тебѣ сказалъ, что я разуму имѣть не могу?

Сокр. Я такъ вообразилъ себѣ и по этому мнѣнїю буду тебя освистывать.

Кратов. Когда тебѣ это противно, такъ я и тебѣ услужу, написавъ безъ разума.

Сокр. Тогда то уже я смертельное получу на тебя оружїе и вмѣстѣ со всѣми зрителями стану тебя освистывать, которые справедливо огорчатся за то, что ты дурачествомъ ихъ забавлять вздумалъ.

Кратов. Чтобъ дьяволъ тебя побралъ съ твоимъ свистаньемъ. Но преглупая скотина, вишь двери, или растворить, или затворить надобно, и такъ скажи мнѣ безъ всѣхъ твоихъ увертокъ: съ разумомъ, или безъ разума, мнѣ писать должно?

Сокр. Какъ себѣ изволишь: я все таки хулить тебя стану, не только за то, что ты сдѣлаешъ, но и за то, чего ты не сдѣлаешъ.

Кратов. Какъ: ты будешъ хулить и за то, чего я не сдѣлаю?

Сокр. Безъ сомнѣнія: за все, что бы ты сдѣлалъ и чегобъ ты не сдѣлалъ.

Кратов. Такъ убирайся же отъ сюда.

Сокр. Для чего?

Кратов. Для того, что мнѣ скучно смотрѣть на тебя.

Сокр. Я жалѣю о томъ; а мнѣ отнюдь не скучно быть съ тобою.

Кратов. Поди еще учиться тому, что бы ничего не знать. Поди же скотина; поди съ своимъ непонятнымъ вздоромъ.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Кратовулъ: учитель пѣнія, учитель музыки и учитель битья на шпагахъ.

Пѣв. Вы очень разумно сдѣлали прогнавъ этаго мудреца: такія люди со

всѣмъ лишнія на свѣтѣ; а только что мы трое нужны для человѣческаго рода.

Кратов. Кто ты таковъ?

Пѣв. Учитель пѣнія, который показываетъ то искуство, которымъ и древа и горы прибѣгали къ Орфею и которымъ Амфіонъ создалъ стѣны Февански́я.

Кратов. Какъ же этотъ Амфіонъ сдѣлалъ эти стѣны?

Пѣв. Онъ пѣлъ, а камни сами собою, на подлежащіе для нихъ мѣста ложились.

Кратов. Это искуство предорогое, я хочу его выучить къ тому, что бы огромной домъ себѣ построить. А ты чему умѣешь?

Танцов. Дѣлать скачки, прышки, и учтиво кланяться.

Кратов. Это забавное искуство. Я и ему хочу учиться. А ты съ прежасною своею шляпою и длиннымъ ножемъ; чему гораздъ?

Учит. бит. Убивать людей съ проворнымъ тѣлодвиженіемъ.

Кратов. Это искуство пусть пой-

детъ къ чорту; и ежели бы я его зналъ я бы тебѣ далъ деньги за то, что бы его забыть.

Учит. биг. Я хотѣлъ вамъ сказать, что я научу васъ обороняться отъ тѣхъ, которые бы васъ убить захотѣли

Кратов. Ну такъ и это хорошо.

Учит. бит. Я храбрости придаю проворство.

Кратов. Хорошо, хорошо. Учитежа меня поскоряе всему, чему вы горазди.

Пѣв. Кому прикажите начать?

Кратов. Всѣмъ троимъ вмѣстѣ.

Танцов. Этому быть не можно.

Кратов. Я такъ хочу: это бы смѣшно было, ежели бы богатой человѣкъ не могъ такихъ трехъ бездѣлицъ, каковы ваши искуства, вдругъ выучить: ну скоряе, мнѣ недосугъ: я имѣю намѣренiе еще близко тысячи наукъ выучить, прежде нежели смеркнется, а чтобъ не тратить время, вотъ вамъ деньги.

Пѣв. Вы правильно разсуждаете: смотрите на эти ноты: вотъ а-э.

Танцов.

Танцов. Становитесь эдакъ, колѣна выгните.

Учит. бит. Изготовтесь къ выпаду на третїй размѣръ. (*Всѣ трое стапятъ его и разнообразно порочаютъ: онъ пмѣстѣ лоетъ, танцуетъ и бьется, доколѣ не пыйдетъ изъ силы и неуладетъ.*)

Учит. бит. Прекрасно, прекрасно сударь.

Кратов. (*пстапъ и пзяпъ рапиру.*) Постойте и я научу васъ моему искусству. (*Бьетъ ихъ и разгоняетъ.*) Экїе плуты, они сговорилися удушить меня подъ видомъ ученїя. Чортъ возми всѣ науки: ничему болѣе не хочу учиться, а пойду къ Аспазїи.

ЯВЛЕНЇЕ VIII.

Кратовулъ, Аспазїя и нѣсколько Льстецовъ.

Аспаз. Что бы дать ему нѣсколько тщеславїемъ полюбоваться собрала я кучу ласкателей, которыхъ

льстивымъ языкамъ его теперя оставлю, что бы онъ ими вѣчно гнушался.

Кратов. А здравствуй душа моя! Здравствуй Аспазія!

Аспаз. Здравствуй любезный Кратовулъ! Я привела къ тебѣ новыхъ друзей, которыхъ пріобрѣло твое счастіе и которые хотятъ разными забавами доказать ихъ участіе въ твоемъ благополучіи.

Кратов. Они добрые люди: пусть ко мнѣ подойдутъ.

Аспаз. Подойдите друзья наши. Господинъ Кратовулъ вамъ позволяетъ.

Льстецъ. Несравненное для насъ счастіе быть намъ милостивый государь съ вами, съ вами, въ комъ мы нѣчто необычайное человѣчеству видимъ: вы, или самъ Марсъ или сынъ Марсовъ. Позвольте себя познать, и есть ли вы не богъ, то непремѣнно богиня была вашею матерью.

Кратов. То то прямой другъ! обойми меня.

Аспаз. Онъ вкушаетъ отраву лѣсти.

2. Льстецъ. Страшися Мил: Государь! бѣседы тѣхъ людей, которые не зная обхожденїя всегда говорятъ грубо, и злословїе свое правдою называютъ. Они сѣумасшедшїе и съ такимъ великимъ человѣкомъ, какъ вы недостойны имѣть знакомства.

Кратов. То то друзья Аспазїя! то то друзья! Спасибо тебѣ. Съ такими то я хочу жить, а не съ Тимономъ, который ни одного почти человѣка похвалить не хочетъ. Пойдемъ, пойдемъ веселиться: я вашъ, я вашъ на вѣки.

Конецъ втораго дѣйствїя.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Тимонъ одинъ.

Я опять сталъ таковъ же бѣденъ, каковъ, былъ сего утра. Но уже ни добросердечіе, ни пышность моя привели меня въ это состояніе, а измѣна Кратовулова. Едва успѣлъ онъ облѣщися въ человѣчество, какъ уже невѣрнѣе и злобнѣе всѣхъ людей учинился. О безобразіе рода челевѣческаго! Боги позволяютъ мнѣ пристально разсмотрѣть позоръ твой, что бы я ненависть, которую ты во мнѣ производишъ, во всей силѣ почувствовавъ убѣгъ отъ обхожденія съ тобою и охранялъ мои добродѣтели отъ твоихъ пороковъ оградою вѣчнаго уединенія. Избавя меня отъ заботы въ сохраненіи моего богатства, опять они меня къ попеченію о самомъ себѣ обращаютъ.

ращаютъ. Не увижу я болѣе позорища свѣтскаго, небуду я впредь чувствовать отвращенiи отъ дурачествъ въ немъ содѣваемыхъ, и токмо размышленiемъ о величествѣ вашемъ безсмертные Боги питаться я буду. Таковыя мысли побуждаютъ меня къ прощенiю Кратовула въ его невѣрности: могъ бы я его наказать, но богатство имъ у меня похищенное, вмѣсто меня то свершитъ надъ нимъ сугубо. Онъ ко мнѣ подходитъ съ видомъ откровеннымъ: не ужь ли будетъ онъ удобенъ отпереться отъ его злодѣйства?

ЯВЛЕНIЕ II.

Тимонъ и Кратовулъ.

Кратов. Видя тебя можно подумать, что ты сердитъ?

Тим. И такъ ты безчестная душа, недоволенъ будучи похищенiемъ моего имѣнiя, еще и торжествуешъ злодѣйствомъ своимъ.

Кратов.

Кратов. Полно, полно сердиться. Я тебя не допущу ни до какого недостатка. Куда ты идешь?

Тим. Возобновить ту жизнь, изъ которой извлекли меня вредные твои совѣты.

Кратов. Какъ ты идешъ попрежнему быть несчастливымъ?

Тим. Я на вѣки съ людьми разстанусь, а особливо съ тобою, кого я стократно болѣе всѣхъ ненавижу.

Кратов. Чтожъ я тебѣ здѣлалъ! Я взялъ твое богатство, которое тебѣ было безполезно, на то, что бы мнѣ нѣсколько имъ пользоваться: за что кажется сердиться ты не долженъ.

Тим. Можно ли мнѣ сносить таковые ругательствы безъ отмщенія? Но нѣтъ! Я самъ всего виною, испросивъ у боговъ человѣческое ему бытіе.

Кратов. Ты величайшая въ свѣтѣ скотина!

Тим. А ты человѣкъ: этимъ все сказано. Мнѣ должно было отъ тебя удалиться, какъ скоро я таковымъ тебя увидѣлъ; но время еще осталось. Наслаждайся моимъ богатствовъ, есть ли

ты

ты возможешь, я тебѣ его оставляю, и на вѣки отъ людей удаляюсь.

Кратов. Какъ ты и въ правду уйти хочешь?

Тим. Конечно: бѣги отъ меня, естьли не хочешь почувствовать моего гнѣва.

Кратов. Послушай! моего намѣренія не было тебя несчастнымъ здѣлать: на противъ я думалъ одолжить тебя, пользуясь тѣмъ богатствомъ, которое для тебя ненадобно: но какъ ты за то сердишся, то я тебѣ его возвращу, съ тѣмъ только, чтобъ ты нѣчто мнѣ удержать позволилъ.

Тим. Я все отдаю тебѣ, все, и ни чего имѣть не желаю.

Кратов. Ты меня въ жалость приводишъ. Постой Тимонъ. Постой. Я прошу тебя, я все возвращу тебѣ.

ЯВЛЕНІЕ III.

ТѢЖЕ и одинъ изъ льстецовъ.

ЛЬСТЕЦЪ. Прочти это письмо.

КРАТОВ. А любезный мой другъ! ты здѣсь? подойди и обойми меня.

ЛЬСТЕЦЪ. Умѣрь нѣсколько жаръ твоей дружбы.

КРАТОВ. Вотъ лутчей изъ моихъ друзей: спроси его; онъ тебѣ скажетъ, что я болѣе, нежели ты счастія достоинъ.

ЛЬСТЕЦЪ. Ты презрительнѣйшій изъ всѣхъ людей.

КРАТОВ. Какъ! давно ли?

ЛЬСТЕЦЪ. Всегда ты таковъ былъ.

КРАТОВ. Но не ты же ли съ часъ времени тому назадъ, осыпалъ меня похвалами?

ЛЬСТЕЦЪ. Я смѣюся надъ тобою. Не ужъ ли ты похвалы истинною почитаешъ? Это только одинъ обрядъ, которой въ виду корысть имѣетъ.

КРАТОВ. И такъ тѣ, которые хвалятъ, самые безстыдники?

ЛЬСТЕЦЪ. Безстыдство въ тѣхъ, которые хвалить себя попускаютъ.

КРАТОВ. Етаго я не понимаю, да отъ кого же письмо ко мнѣ?

ЛЬСТЕЦЪ. Отъ Аспазіи.

Кратов. По моему собственному разсудку. Я нашолъ, что твоя досада противу бездѣльниковъ, которые тебя въ твоей бѣдности за всѣ твои благодѣянїи оставили, была справедлива; но нынѣ я вижу, что худо о тебѣ говорящїе правы, по тому, что ты не хотѣлъ облегчить ихъ горесть могши то сдѣлать. Въ первомъ твоемъ злуполучїи, имѣлъ ты удовольствїе въ томъ, что ты лучше былъ враговъ своихъ, а въ послѣднемъ: долженъ ты чувствовать стыдъ, видя что они тебя лучше.

Тим. Всесильный отецъ боговъ! что я слышу? Отъемлется гибельная завѣса, которая отъ моихъ очей правду скрывала. Колико слабостей я чрезъ то въ себѣ вижу. Я становлюся неподвиженъ. Нелюдимство меня оставляетъ и я познаю, что оно было во мнѣ сильною страстїю произведенною моимъ самолюбїемъ. Осуждалъ я тѣ пороки и дурачествы, которыхъ въ себѣ самомъ не видѣлъ. Едва обратилъ я взоръ на мои заблужденїи, и уже чувствую себя слабѣе и робчѣе послѣдняго человѣка.

человѣка. О боги! коль малъ человѣкъ и коль слабъ его разсудокъ?

КРАТОВ. Осмѣлишся ли ты сказать, что я неправъ?

ТИМ. Нѣтъ любезный Кратовулъ; я виновенъ и я ни чего на тебя не возлагаю. Прости моимъ ложнымъ заключенiямъ и прими знакъ моего раскаянiя въ моихъ объятiяхъ.

КРАТОВ. Дай мнѣ ѣсть, я голоденъ, это для меня лучше твоей ласки.

ТИМ. Я ни чего болѣе не имѣю. Ты самъ то вѣдаешъ; но пойдемъ искать средства къ твоему благополучiю. Все что я могу сдѣлать состоитъ въ томъ, чтобъ моими трудами доставлять тебѣ пищу.

КРАТОВ. Предорогое утѣшенiе! твое раскаянiе нѣединой изъ тѣхъ болячекъ неизлѣчаетъ, которыми ты меня пожаловалъ. Но при всемъ томъ и я о тебѣ сожалѣю и прощаю тебя. Пойдемъ куда ты хочешъ, я всюды иду за тобою и вмѣсто того, чтобъ тебѣ для меня работать, я для тебя поту моего непожалѣю.

ТИМ.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тимонъ и Кратовулъ.

Тим. Вотъ презабавной случай, и я ни когда не думалъ что бы мое богатство столько удовольствія мнѣ доставило.

Кратов. Я сущей мерзавецъ за то, что вѣрилъ этому висильнику и этой гнусной Аспазіи.

Тим. Теперь и ты таковъ же бѣденъ, какъ и я. По крайности испытываешь ты чрезъ то злость людскую, о которой я тебѣ твердилъ не безъ причины Не хотя быть умѣреннымъ доволенъ, теряешь ты вдругъ и необходимое и излишнѣе, и въ самую несносную бѣдность впадаешь.

Кратов. Я бѣшуся, и ежели бы я поймалъ эту плутовку, то бы ее воровскую рожу всю ногтями изодралъ.

Тим. Она теперь веселится считая наши деньги.

Кратов. Не говори мнѣ о томъ; ты

ты досаду мою умножаешъ. Мнѣ кажется, что она теперь на мой щотъ лушчую ѣстъ пищу, когда мнѣ и куска хлѣба не осталось для насыщенія моего желудка.

Тим. Правда.

Кратов. Но не ужь ли у тебя дѣйствительно ничего нѣтъ.

Тим. Развѣ ты не все укралъ у меня? Нѣтъ у меня ни куска хлѣба, ниже копѣйки, на что бы его купить было можно.

Кратов. Чтожъ мнѣ дѣлать?

Тим. Ежели хочешъ итти со мною къ старой моей пещерѣ, тамо станемъ мы кореньями питаться.

Кратов. Не говори мнѣ болѣе о этой проклятой пещерѣ.

Тим. Для тебя другаго убѣжища не осталось и ты еще очень счастливъ, что я хочу тебя взять съ собою. Ты того недостоинъ; но я изъ жалости къ тебѣ то дѣлаю, уповая, что твой проступокъ научитъ тебя осторожности.

Кратов. Но ты причиною всѣхъ моихъ несчастій. Естьли бы ты сдѣ-

лалъ надлежащее употребленіе изъ своего богатства, я бы не былъ наученъ обокрасть тебя: говори безумной? отвѣтствуй несносной нелюдимъ? Можешъ ли ты когда нибудь оправдаться передомною?

Тим. Какъ! я въ томъ виноватъ?

Кратов. Конечно ты.

Тим. Развѣ я присовѣтовалъ тебѣ обокрасть меня?

Кратов. А къ тоже: твой жестокой поступокъ къ тому меня принудилъ.

Тим. Скажи лучше, что худое твое сердце.

Кратов. Развѣ твое худо, а мое хорошо: и оно мнѣ добрые влагало намѣренія.

Тим. Я бы повѣрилъ тебѣ, естьли бы ты кражею умѣлъ воспользоваться. Ты видишъ, что ты изъ зла вящшее зло сдѣлалъ.

Кратов. Это отъ того, что я поступилъ, какъ оселъ. Естьли бы я на тотъ часъ помнилъ, что я человѣкъ, то бы я обокралъ тебя не на то, что бы дѣлать людямъ добро,

которыя за то худомъ платятъ, и я бы недовѣрялъ животнымъ одного съ тобою рода. Несчастный Кратовулъ! Ты теперь обманутъ твоимъ добросердечїемъ. (*плачетъ.*)

Тим. Я противъ воли прихожу въ жалость и вижу, что онъ справедливо меня укоряетъ.

Кратов. А ты, который недостоинъ быть и человѣкомъ, для чего ты отъ подобныхъ тебѣ удаляешся? Развѣ ты по тому себя лучше ихъ почитаешъ, что ты всѣхъ грубѣе и жестокосердѣе.

Тим. Что же хотѣлъ ты изъ моего богатства сдѣлать?

Кратов. Всякое добро: прежде всѣхъ тебѣ, по тому что я тебя болѣе всѣхъ люблю, а потомъ и другимъ людямъ.

Тим. Но ты видишъ, что люди того недостойны.

Кратов. Что мнѣ до того, есть либъ я могъ доброе дѣлать.

Тим. О боги! Какой лучь истинны онъ подаетъ моему разсудку. Но по чему же ты такъ разсуждаешъ?

Кратов. *Тимону.* А! а! Это хорошо! на! читай. Я вить неумѣю.

Тим. Кто такова эта Аспазія?

Кратов. Она дѣвка прекрасная, которой я деньги на сохраненіе отдалъ.

Тим. Посмотримъ, что изъ этаго выйдешъ. (*читаетъ лисьмо.*) Какъ боги ни чемъ людей безъ намѣренія ненаграждаютъ, то Тимонъ отрекшейся пользоваться даннымъ ему богатствомъ, сдѣлался благодѣянія ихъ недостойнымъ.

Кратов. И такъ ты видишъ, что я не дурно сдѣлалъ деньги у тебя взявши.

Тим (*продолжаетъ.*) А ты Кратовулъ еще меньше Тимона того достоинъ; ибо забывъ свой долгъ противъ такого господина, который любилъ тебя, ты постыдно измѣнилъ ему, укравъ его имѣніе, которое боги не на то ему вручили, что бы оное служило наградою злодѣйству. И такъ я обоихъ васъ достойно наказуя, увожу съ собою все ваше богатство и на всегда васъ онаго лишаю.

Кратов. Какъ! Аспазія меня окра дываетъ.

Тим. Ты слышишъ.

Лакс. Она справедливо дѣлаетъ. По какому праву могъ бы ты такого счастія быть достоинъ?

Кратов. О злодѣй! Для чего ты, давича этаго не говорилъ мнѣ.

Льстецъ. (*смѣется.*) Этотъ вопросъ доказываетъ, что ты сущій дуракъ. (*смѣется.*)

Кратов. А я прибивъ тебя до полусмерти, докажу тебѣ, что я не таковъ глупъ.

Льстецъ. Теперь, когда ты ничего не имѣешъ, я столько мало угрозъ твоихъ боюся, сколь много бы ихъ боялся, когдабъ ты богатъ былъ. Удовольствіе, которое я чувствую принеся тебѣ извѣстие о твоей бѣдности награждаетъ меня за то принужденіе которое я терпѣлъ тебя выхваляя. (*смѣется.*) прощай простячокъ и учися на ласковые слова неподѣваться.

Явленіе

Тим. Сколь сильно сїя нѣжная и искренная простота доказываетъ, что онъ проступился не отъ худаго сердца. Пойдемъ мой другъ! Пойдемъ.

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣжъ и Евхариса.

Евхар. Я прихожу доказать тебѣ сколь великое въ твоемъ злополучїи я прїемлю участїе.

Тим. Еще ли тѣмъ же образомъ, какъ мы недавно говорили? Евхариса теперь брань будетъ неровная.

Евхар. Нѣтъ Тимонъ. Не язвительная укоризна, а чувствованїи дружескїе меня къ тебѣ приводятъ.

Тим. Премѣна твоя меня удивляетъ.

Евхар. Ты ошибаешся почитая это во мнѣ премѣною. Та же самая дружба, которая заставляла меня говорить истинну, въ такомъ состоянїи когда ты жалости по своимъ заблужденїямъ былъ достоинъ, влагаетъ

етъ и теперь въ уста мои истинную прискорбность о твоемъ бѣдствіи.

Тим. Прекрасная Евхариса! Эти знаки толь истиннаго и толь неожиданнаго дружества довольно меня за все претерпѣніе награждаютъ. И какое богатство можетъ уподобиться тому удовольствію, которое я ощущаю слыша, что моя бѣдность, удобная только людей удалять отъ меня, тебя ко мнѣ приводитъ.

Кратов. Ты вздоръ говоришь. Бѣдность должна тебя къ людямъ приближить, по тому что она ихъ помощь для тебя нужною дѣлаетъ.

Евхар. Онъ говоритъ правду.

Тим. Такъ сударыня, онъ правду говоритъ. Его разговоръ научилъ меня въ сію минуту тому, чему два превратные мои въ щастіи и нещастіи испытаніи, научить меня были неудобны.

Евхар. Когда ты позналъ вину свою, такъ мнѣ остается только облегчить зло отъ нея произшедшее. И я пришла сюда бывъ увѣрена, что невозможешъ ты оскорбить благопристойности

ности въ дѣлѣ похвальномъ. Я съ моею рукою предлагаю тебѣ избыточное иждивенїе, которымъ ты всѣ свои злощастїи поправить можешъ.

Кратов. По чести моей, вотъ царица всѣхъ женщинъ и надобно тому быть съумасшедшему, кто противъ ее покажется нелюдимомъ. Дайка я обойму тебя, предорогое животное! ты приводишъ въ бодрость мой желудокъ приведенный въ унынїе моимъ добросердечїемъ и дурачествомъ Тимона.

Тим. Что ты дѣлаешъ Евхариса? Я не могу принять твоего благодѣянїя.

Кратов. Неужли ты еще упрямиться хочешъ?

Тим Я того недостоинъ.

Кратов. Вѣрю. Но есть ли въ тебѣ нѣсколько ума осталось; такъ покажи, будто ты того не знаешъ.

Тим. Я не могу и недолженъ принять благотворной руки твоей и богатства. Самая нѣжность моя, которую я къ тебѣ чувствую, воспрещаетъ мнѣ обрѣменить тебя такимъ нещаснымъ, который самъ всего виною, и

котораго не только люди, ниже сами боги не могли исправить. Прости: имѣй жалость съ этимъ честнымъ человѣкомъ: я его на твое попеченїе оставляю. Прости! прости Евхариса.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣжъ и Меркурій.

Мерк. Постой Тимонъ. Боги довольны тобою, когда ты въ заблужденїи своемъ признался.

Тим. Но я недоволенъ собою.

Мерк. Страшися войти въ такую чрезвычайность, которая всѣхъ твоихъ пороковъ хуже.

Тим. Извини слабость мою: я се весьма сильно чувствую, что бы вдругъ быть удобну къ здравому разсудку.

Мерк. Забудь свои ложныя мысли, а есть ли когда объ нихъ и вспомнишъ, такъ только на то, что бы опять въ нихъ не обратиться. Того только боги отъ тебя требуютъ. Они возвращаютъ тебѣ твое имѣнїе и ты токмо съ сего часа можешь богатымъ называться.

зываться, по тому что ты совсѣмъ вразумяся будешъ умѣть пользоваться отъ нихъ посланнымъ тебѣ награжденїемъ. При томъ не полагай Кратовулу въ вину того, что онъ обокралъ тебя: я подъ именемъ Аспазїи его довелъ къ тому.

Кратов. Такъ ты то сънгралъ со мною эту шутку?

Мерк. Да!

Кратов Да къ чему же ты эдакъ меня одурачилъ?

Мерк. Для исправленїя Тимонова.

Кратов. Такъ ты Богъ очень забавный, дѣлая меня плутомъ на то, что бы его честнымъ сдѣлать человѣкомъ.

Мерк. Я чрезъ то плутомъ тебя не сдѣлалъ, по тому что ты безъ злаго намѣренїя взялъ у него деньги. Я хотѣлъ научить, тебя, Тимона и вмѣстѣ съ вами всѣхъ тѣхъ, которые употребляютъ во зло ихъ богатство, данное имъ токмо на то, что бы общество было благополучно. Тимонъ, тебѣ остается только принять

руку Евхарисину: она прекрасна, умна и добродѣтельна: боги тебѣ ее назначили. Они такой бракъ учиняшъ блаженнымъ, на которой она по ихъ совѣту согласилась, по тому что я же подъ именемъ Аспазіи научилъ ее тѣмъ способамъ, которыми она тебя плѣнила.

Тим. Да будетъ имя боговъ и твое прославляемо на вѣки. Какою благодарностію....

Мерк. Для меня твоего благополучія довольно: наслаждайся имъ на вѣки. Теперь всѣ твои заблужденіи истребленны. Уже съ сего часа истинна всегда тобою управлять будетъ во образѣ Евхарисы. Всегда ты ее будешъ видѣть, а Кратовулъ въ тебѣ примѣръ добродѣтели обрѣтая, самъ образцомъ смертнымъ послужитъ. (*подымается и въ облакахъ невидимъ становится.*)

Тим. Пойдемъ дражайшая Евхариса! съ сердцами истинной благодарности исполненными, благодаришь боговъ, и при ихъ жертвенникѣ поклянемся другъ другу вѣрностію на вѣки.

Явленіе

ЯВЛЕНІЕ ПОСЛѢДНЕЕ.

Кратовулъ *одинъ*.

И я тамъ скоро за вами буду и стану учиться тому, что бы не быть обмануту людьми лукавыми. Я вижу, что мое новое состояніе очень хлопотливо. Бывъ осломъ не былъ бы я толикимъ искушеніямъ подверженъ. Между моими предками нѣтъ продажной славы, отцовъ и разуму. Они не захватываютъ лишнія для себя травы и подобныхъ себѣ тѣмъ нужнаго не лишаютъ. Незнаютъ они гнусныхъ имянъ, воровъ, неблагодарныхъ, а паче всего льстецовъ. О люди! бѣдные люди! слыша разсужденіе бывшаго осла, паче всего льстецовъ берегитесь.

Конецъ Комедіи.

